

Артур Конан Дойл

Его прощальный
поклон

Круг красной лампы

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АСТ»
www.ast.ru

Артур Конан Дойл
Его прощальный поклон. Круг
красной лампы (сборник)
Серия «Миры Конан Дойла (Клуб
семейного досуга)», книга 9

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17357207

*Его прощальный поклон. Круг красной лампы (сборник): Клуб Семейного Досуга; Харьков; 2011
ISBN 978-966-14-1824-9*

Аннотация

Том состоит из двух сборников рассказов. В первом представлены увлекательные рассказы о приключениях Шерлока Холмса и доктора Ватсона, с загадками-головоломками и, конечно же, остроумными решениями талантливого сыщика. Рассказы второго сборника посвящены в основном врачам: их профессии, их наблюдениям, любопытным случаям из практики – порой парадоксальным и всегда интересным.

Содержание

Его прощальный поклон	5
Дело первое	6
Дело второе Вистерия-лодж[19]	18
Часть первая	18
Часть вторая	26
Дело третье	38
Дело четвертое	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Его прощальный поклон. Круг красной лампы (сборник)

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2011

* * *

Его прощальный поклон

Дело первое

Приключение с картонной коробкой

Отбирая несколько типичных дел, иллюстрирующих необыкновенный талант моего друга Шерлока Холмса, я по мере возможности отдавал предпочтение менее броским (на первый взгляд) и в большей степени раскрывающим его поразительные умственные качества. Однако, к сожалению, все то, что связано с преступлениями, почти невозможно полностью отделить от яркой сенсационности, поэтому рассказчик остается перед выбором: либо жертвовать подробностями, чрезвычайно важными для его рассказа, тем самым искажив суть описываемого дела, либо свести свое повествование к сухому изложению событий. После этого краткого вступления я обращусь к своим записям о событиях не только иностранных, но и страшных.

Был жаркий и солнечный августовский день. Бейкер-стрит походила на раскаленную печь, необыкновенно яркие лучи солнца на желтой кирпичной стене дома напротив нашего окна до боли слепили глаза. С трудом верилось, что это те самые стены, которые зимой столь мрачно проглядывают сквозь серую мглу.

Холмс лежал на диване, уже в сотый раз перечитывая письмо, которое пришло на его имя с утренней почтой. Поняв, что он слишком занят своими мыслями, чтобы разговаривать, я погрузился в раздумья.

— Вы не обратили внимания на небольшую заметку в газете о необычном содержимом пакета, который получила по почте мисс Кушинг с Кросс-стрит в Кройдоне?¹ — неожиданно нарушил тишину мой друг.

— Нет, такая мне не попадалась.

— Наверное, пропустили. Бросьте-ка мне газету. Вот, под колонкой о финансовых новостях. Прочитаете вслух?

Я поднял газету, которую он бросил обратно, и прочитал указанную заметку. Озаглавлена она была «Страшная посылка».

«Мисс Сьюзен Кушинг, проживающая в Кройдоне, на Кроссстрит, стала жертвой шутки, которую можно было бы назвать отвратительной, если бы этому происшествию не сопутствовали поистине жуткие обстоятельства. Вчера в два часа дня почтальон доставил в ее дом небольшую посылку, завернутую в коричневую оберточную бумагу. Внутри находилась картонная коробка, наполненная крупной солью. Высыпав соль, мисс Кушинг, к своему ужасу, обнаружила в ней два человеческих уха, судя по виду, отрезанных совсем недавно. Коробка была выслана накануне утром из Белфаста через почтово-посылочную службу. Никаких указаний на личность отправителя нет. Тот факт, что мисс Кушинг, незамужняя дама пятидесяти лет, ведет крайне уединенный образ жизни и имеет так мало знакомых, что вообще очень редко получает что-либо по почте, придает еще больше загадочности делу. Известно, что несколько лет назад, когда она жила в Пендже², в ее доме снимали комнаты три молодых студента-медика, которых она была вынуждена выгнать из-за их шумного и безалаберного поведения. Полиция склонна полагать, что подобный гнусный поступок по отношению к мисс Кушинг был совершен именно этими молодыми людьми, которые затаили на свою бывшую хозяйку обиду и теперь решили напугать ее, прислав эти части тела, которые раздобыли в каком-нибудь секционном зале³».

¹ Кройдон — район на юге Лондона; во времена А. Конан Дойла — пригород, теперь — в составе Большого Лондона.

² Пендж — район на юге Лондона, рядом с Кройдоном; во времена А. Конан Дойла — пригород, теперь — в составе Большого Лондона.

³ Секционный (от лат. *sectio* — разрезание) зал — помещение для вскрытия трупов.

Эту версию в некоторой степени подтверждает и то, что один из этих студентов был родом с севера Ирландии и, насколько известно мисс Кушинг, именно из Белфаста. Тем временем за дело уже активно взялась полиция. Следствие поручено мистеру Лестрейду, одному из самых опытных сыщиков».

– Это те факты, которыми располагает «Дейли кроникл»⁴, – сказал Холмс, когда я дочитал. – А вот что пишет наш друг Лестрейд. Сегодня утром я получил от него такую записку: «По-моему, дело это в Вашем вкусе. Мы надеемся, что сами вполне сможем с ним разобраться, однако у нас возникли некоторые трудности с получением фактов, на основании которых можно было бы начать расследование. Конечно же, мы телеграфировали в Белфаст на почтовое отделение, но в тот день было отправлено слишком много посылок, поэтому они ничего не могут сказать конкретно об этой коробке или вспомнить, кто ее отправлял. Это полуфунтовая⁵ коробка из-под паточного табака⁶, и сама она ничем помочь нам не может. Версия со студентами-медиками мне по-прежнему кажется наиболее правдоподобной, но, если у Вас найдется несколько свободных часов, я был бы рад встретиться с Вами. Днем я буду либо в доме мисс Кушинг, либо в полицейском участке». Что скажете, Ватсон? Не побойтесь жары? Поедете со мной в Кройдон? Тут пахнет делом, которое могло бы войти в ваши анналы.

– Конечно! Я как раз не знал, чем заняться.

– Ну вот, теперь знаете. Попросите принести нашу обувь и вызвать кеб. Я буду через секунду, когда переоденусь и напольшу портсигар.

Пока мы ехали в поезде, прошел проливной дождь, и в Кройдоне жара была не такой изматывающей, как в городе. Холмс предупредил Лестрейда о нашем приезде телеграммой, и инспектор, жилистый, как всегда подвижный и похожий на хорька, дожидая нас на станции. Пятиминутная пешая прогулка привела нас к Кросс-стрит, на которой жила мисс Кушинг.

Это была очень длинная улица, с двухэтажными чистыми и ухоженными кирпичными домиками, на выбеленных крылечках разговаривали женщины в передниках. Лестрейд остановился примерно на середине улицы и постучал в одну из дверей. Открывшая нам служанка провела нас в гостиную, где сидела мисс Кушинг. Это была женщина со спокойным лицом, большими добрыми глазами и прямыми седоватыми волосами, которые слегка вились на висках. В руках она держала выдавшую виды салфетку для спинки кресла, рядом на табуретке стояла корзинка с разноцветными шелковыми вещами.

– Эта жуть в сарае, – сказала она, когда в комнату вошел Лестрейд. – Не могли бы вы побыстрее забрать их?

– Конечно же, мисс Кушинг, я заберу их. Только вначале я хочу, чтобы мистер Холмс осмотрел их в вашем присутствии.

– Зачем же для этого нужна я, сэр?

– Возможно, он захочет вас о чем-нибудь спросить.

– Какой смысл меня о чем-то спрашивать, если я уже сказала вам, что ничего об этом не знаю?

– Вы совершенно правы, мадам, – мягким голосом сказал Холмс. – Я не сомневаюсь, что все это дело и так уже причинило вам достаточно беспокойства.

⁴ Ежедневная лондонская газета либерального направления. Основана в 1872 г., в 1930 г. слилась с «Дейли ньюз». Во время Первой мировой войны А. Конан Дойл был корреспондентом этой газеты.

⁵ Примерно 226-граммовая (1 фунт – 453,6 г).

⁶ Паточный табак – табак для кальяна с добавлением фруктовой или тростниковой патоки.

– Не то слово, сэр. Я спокойная женщина, живу одна, и мне непривычно видеть в газетах свое имя, а у себя дома полицию. Я не хочу, чтобы эти ужасные вещи вы несли сюда, мистер Лестрейд. Хотите на них посмотреть – идите в сарай.

Сарай оказался небольшой постройкой в длинном узком саду на заднем дворе. Лестрейд зашел в него и вынес желтую картонную коробку, кусок коричневой упаковочной бумаги и какой-то шнурок. В конце садовой дорожки находилась скамья, на нее мы и сели все втроем, и Холмс принялся внимательно изучать предметы, которые по одному передавал ему Лестрейд.

– Чрезвычайно интересный шнурок, – заметил он, подняв его к свету и понюхав. – Что вы о нем скажете, Лестрейд?

– Он пропитан дегтем.

– Совершенно верно. Это часть пропитанной дегтем веревки. Вы, несомненно, заметили и то, что мисс Кушинг разрежала этот шнурок ножницами, о чем можно судить по шероховатости на обоих кончиках. Это важно.

– Не вижу в этом ничего важного, – пожал плечами Лестрейд.

– Важно то, что узел остался нетронутым, а сам узел довольно необычен.

– Да, он довольно туго затянут, я тоже на это обратил внимание, – не без гордости в голосе произнес Лестрейд.

– Так, со шнурком разобрались, – улыбнулся Холмс. – Теперь обертка. Коричневая бумага с отчетливым запахом кофе. Как, вы не заметили? По-моему, очень отчетливый запах. Адрес написан печатными буквами, но очень небрежно. «Мисс С. Кушинг, Кросс-стрит, Кройдон» писалось широким пером, возможно «рондо»⁷, и очень плохими чернилами. Слово «Кройдон» вначале было написано через «т», которую потом исправили на «д». Следовательно, адрес писал мужчина (почерк, несомненно, мужской), малообразованный и не бывавший в Кройдоне. Пока неплохо! Коробка желтая, картонная, емкостью полфунта, из-под паточного табака. Ничего примечательного, кроме двух отпечатков больших пальцев руки на нижней стороне в левом углу. Наполнена крупной солью. Соль такого качества используется в производстве, например для хранения кож. А в ней и само необычное вложение.

С этими словами он вынул из коробки два человеческих уха и, положив их на крышку коробки у себя на коленях, внимательно изучил. Лестрейд с одной стороны и я с другой тоже подались вперед и стали рассматривать эти страшные предметы, время от времени поглядывая на напряженное, сосредоточенное лицо Холмса. Потом он вернул их в коробку и ненадолго задумался.

– Вы, конечно, заметили, что это уши разных людей, – наконец заговорил он.

– Да, я это заметил. Но если все это шутка каких-то студентов, имеющих доступ к секционному залу, им было несложно раздобыть непарные уши.

– Верно, только это не шутка.

– Вы в этом уверены?

– Почти да. В секционных залах в тела для сохранности вводят специальную жидкость. На этих ушах ее следов я не увидел. К тому же они довольно свежие. Отрезаны тупым инструментом, что вряд ли бы произошло, если бы это делали студенты. Кроме того, чтобы сохранить их, медику вряд ли пришлось бы в голову использовать грубую соль, в первую очередь он бы подумал о растворе карболки⁸ или спирте. Повторяю, мы имеем дело не с розыгрышем, а с серьезным преступлением.

⁷ См. т. 8 («Тень Великого человека. Загадка Старка Манро») наст. изд., комментарий на с. 352.

⁸ Карболовая (от лат. carbo [carbonis] – уголь – и oleum – масло) кислота (иначе – фенол) – органическое соединение; твердый бесцветный кристаллический продукт, розовеющий при хранении, получают синтетически или выделяют из каменноугольной смолы.

Легкий холодок прошел по всему моему телу, когда я услышал эти слова моего компаньона и увидел, каким серьезным сделалось его лицо. Столь мрачное вступление, казалось, предвещало нечто невыразимо ужасное и загадочное. Однако Лестрейд лишь недоверчиво покачал головой.

– Несомненно, версия со студентами имеет свои недостатки, – сказал он, – но любая другая версия вызывает еще больше сомнений. Нам известно, что эта уважаемая женщина последние двадцать лет тихо жила в Пендже, а потом здесь. За все это время она из дому дольше чем на день не отлучалась. Зачем какому-то преступнику слать ей прямые доказательства своей вины, тем более, по ее словам, она (в том случае, если, конечно же, она не гениальная актриса) не больше нашего знает, что все это означает?

– Именно эту загадку нам и предстоит разгадать, – ответил Холмс. – Я собираюсь приступить к делу на основании предположения, что мои выводы верны и мы имеем дело с двойным убийством. Одно из этих ушей женское. Оно меньше, изящнее, и мочка у него проколота для серьги. Второе, мужское, когда-то загорелое, затем обесцвеченное, и тоже с проколом для серьги. Скорее всего, эти люди мертвы, иначе мы бы к этому времени о них уже что-то услышали. Сегодня пятница, пакет отправлен в четверг утром, следовательно, трагедия произошла в среду или вторник, либо даже раньше. Если эти люди убиты, кто кроме убийцы мог послать мисс Кушинг это доказательство своей работы? Предположим, тот, кто отправил посылку, и есть преступник. Пойти на подобный шаг его могла заставить только очень серьезная причина. Что же это за причина? Ему необходимо было сообщить ей о том, что дело сделано. Или, возможно, заставить ее страдать. Если это так, значит, мисс Кушинг должно быть известно, кто этот человек. Знает ли она его? Сомневаюсь. Если бы она его знала, она бы не стала обращаться в полицию, закопала бы уши, и никто ничего бы не узнал. Так бы она поступила, если бы хотела защитить преступника. Но, с другой стороны, если бы она *не* хотела его защитить, она бы назвала его имя. Что-то здесь не так. Нужно в этом разобраться! – Холмс говорил громко и быстро, как будто думал вслух, отстраненно глядя куда-то поверх садового забора, но вдруг встал и направился к дому. – Хочу задать несколько вопросов мисс Кушинг, – бросил он на ходу.

– Тогда я оставляю вас здесь, – сказал Лестрейд. – От мисс Кушинг я вряд ли узнаю что-нибудь новое, а у меня есть еще одно дельце. Найдете меня в полицейском участке.

– Мы заглянем туда по пути на станцию, – ответил Холмс. Через секунду мы с Холмсом снова оказались в гостиной, где леди по-прежнему возилась с салфеткой. Когда мы вошли, она положила шитье на колени и устремила на нас большие пытливые голубые глаза.

– Знаете, сэр, – сказала она, – я уверена, что все это случилось по ошибке. Посылка предназначалась кому-то другому. Я несколько раз говорила об этом джентльмену из Скотленд-Ярда, но он только смеется. Врагов у меня нет, зачем кому-то понадобилось так зло шутить надо мной?

– Я тоже начинаю так думать, мисс Кушинг, – сказал Холмс, усаживаясь рядом с ней. – Мне кажется, что, вероятнее всего... – Он вдруг замолчал, и я, посмотрев на него, с удивлением заметил, как пристально мой друг рассматривает профиль леди. Изумление и удовлетворение промелькнули в его пронизательных глазах, хотя, когда она обернулась к нему, чтобы узнать, почему он вдруг замолчал, его лицо вновь сделалось непроницаемым. Я сам внимательно осмотрел прямые седые волосы, опрятный чепец, маленькие золотые серьги, правильные черты лица, но так и не понял, что в ее облике могло так взволновать моего друга.

– Я хотел задать вам пару вопросов...

– Сколько можно, в самом деле! Я уже устала от этих вопросов! – в сердцах воскликнула мисс Кушинг.

– У вас ведь есть две сестры.

– Откуда вы знаете?

– Зайдя в комнату, я сразу же увидел на каминной полке фотографию трех женщин, одна из которых – наверняка вы, а остальные две так на вас похожи, что сомнений в родственных отношениях не остается.

– Да, вы совершенно правы. Это мои сестры – Сара и Мэри.

– А здесь, рядом со мной, еще одна фотография, сделанная в Ливерпуле. Это ваша младшая сестра рядом с молодым человеком, который, судя по его форме, стюард. Похоже, тогда она не была замужем.

– Вы очень наблюдательны!

– Это моя профессия.

– Да, вы правы. Но она вышла замуж за мистера Браунера уже через несколько дней. Когда эта фотография была сделана, он еще служил на Южно-американской линии, однако так любил ее, что не хотел надолго с ней разлучаться, поэтому устроился на другое судно, курсирующее между Ливерпулем и Лондоном.

– Не на «Покоритель» случайно?

– Нет, когда я последний раз о нем слышала, он плавал на «Майском дне». Джим как-то раз приезжал ко мне до того, как снова запил. Это потом он стал напиваться каждый раз, когда сходил на берег, а ведь стоило ему хоть немного выпить, и он превращался в настоящего зверя. Эх, будь проклят тот день, когда он снова взял в руки стакан! Сначала он рассорился со мной, потом поругался с Сарой, а теперь вот Мэри перестала писать и мы не знаем, что у них там происходит.

Было видно, что мисс Кушинг коснулась темы, которая ее очень волновала. Как и большинство одиноких людей, поначалу она вела себя замкнуто, но постепенно разговорилась и стала очень общительна. Она весьма подробно рассказала нам о зяте-стюарде, после чего переключилась на своих бывших постояльцев, студентов-медиков, долго описывала все их проступки, назвала их имена и вспомнила названия их больниц. Холмс слушал ее очень внимательно, время от времени задавая уточняющие вопросы.

– Насчет вашей сестры, Сары, – поинтересовался он. – Если вы с ней обе не замужем, почему не живете вместе?

– Ах, если бы вы знали характер Сары, вы бы так не удивлялись. Когда я переехала в Кройдон, мы попробовали жить вместе, но около двух месяцев назад нам пришлось расстаться. Я не хочу сказать ничего дурного о своей сестре, но с ней всегда было трудно ужиться. Саре просто невозможно угодить, к тому же она вечно сует свой нос в чужие дела.

– Вы говорите, она поссорилась с вашими ливерпульскими родственниками?

– Да, хотя когда-то они были лучшими друзьями. Она даже переехала туда, чтобы быть поближе к ним, но теперь от нее слова доброго о Джиме Браунере не услышишь. Последние полгода, которые она прожила здесь, она только и говорила о том, как он пьет и какой он ужасный человек. Я подозреваю, что она начала вмешиваться в его дела, вот он и высказал ей пару ласковых слов, с чего все и началось.

– Благодарю вас, мисс Кушинг. – Холмс встал и поклонился. – Так вы говорите, ваша сестра Сара живет в Воллингтоне на Нью-стрит? До свидания, и мне очень жаль, что вас коснулось это дело, которое, как вы говорите, не имеет к вам никакого отношения.

Когда мы вышли из дома, по улице проезжал кеб. Холмс остановил его.

– Далеко ли отсюда до Воллингтона? – спросил он кебмена.

– Всего около мили, сэр.

– Очень хорошо. Садитесь, Ватсон. Нужно ковать железо, пока горячо. Дело это очень простое, но в нем есть одна-две особенности. Кебмен, остановите у телеграфа.

Холмс послал короткую телеграмму и весь остаток пути сидел молча, откинувшись на спинку кеба и надвинув на глаза шляпу, чтобы защитить лицо от палящего солнца.

Кеб остановился у дома, который почти не отличался от того, который мы только что покинули. Мой друг велел кебмену ждать и взялся за дверной молоток, но тут дверь неожиданно распахнулась и навстречу ему вышел хмурого вида молодой человек в черном костюме и сверкающем цилиндре.

– Мисс Кушинг дома? – осведомился Холмс.

– Мисс Кушинг очень больна, – ответил молодой человек. – Со вчерашнего дня она находится в состоянии острого нервного расстройства. Как ее врач я посоветовал ей ни с кем не встречаться. Приходите дней через десять.

Он натянул перчатки, закрыл дверь и зашагал прочь.

– Что ж, нельзя – значит нельзя, – ничуть не расстроился Холмс.

– Кто знает, может быть, она и не рассказала бы вам ничего нового.

– Я вовсе не собирался с ней разговаривать. Я хотел посмотреть на нее. Впрочем, по моему, я и так узнал все, что мне было нужно. Кебмен, отвезите нас в какую-нибудь приличную гостиницу. Там мы пообедаем, а потом навестим нашего друга Лестрейда в участке.

Мы неплохо перекусили, и за столом Холмс говорил только о скрипках. Он увлеченно рассказывал о том, как в лавке одного еврея-старьевщика на Тоттенхем-Корт-роуд⁹ ему посчастливилось за пятьдесят пять шиллингов купить скрипку Страдивари¹⁰, цена которой самое меньшее пятьсот гиней. Эта тема привела его к Паганини¹¹, и мы еще целый час просидели за бутылкой кларета¹², пока он вспоминал необыкновенные истории из жизни этого выдающегося человека. Дело шло к вечеру. Жара спала, солнце уже не так слепило глаза, когда мы наконец оказались в полицейском участке. Лестрейд ждал нас у двери.

– Вам телеграмма, мистер Холмс, – сообщил сыщик.

– Ага, ответ! – Холмс надорвал конверт, пробежал глазами телеграмму и сунул ее в карман. – Все в порядке, – сказал он.

– Выяснили что-нибудь?

– Я выяснил все.

– Как? – Лестрейд с удивлением уставился на моего друга. – Вы шутите?

– Никогда в жизни я еще не был так серьезен. Совершенно ужасающее по своей жестокости преступление, и мне известны все подробности того, что случилось.

– А преступник?

Холмс написал несколько слов на оборотной стороне своей визитной карточки и бросил ее Лестрейду.

– Это имя преступника, – сказал он. – Арест можно будет произвести только завтра вечером, не раньше. Я бы предпочел, чтобы меня не упоминали в связи с этим делом; мне хочется, чтобы мое имя ассоциировалось только с теми преступлениями, раскрытие которых представляет определенную трудность. Пойдемте, Ватсон.

И мы вместе зашагали к станции. Лестрейд с просветлевшим лицом продолжал рассматривать полученную от Холмса карточку.

– В этом деле, – сказал Шерлок Холмс, когда вечером у себя на Бейкер-стрит мы сели выкурить по сигаре, – как и в тех расследованиях, которые вы описали под заголовками «Этюд в багровых тонах» и «Знак четырех»¹³, нам пришлось делать выводы о причинах на основании следствий. Я написал Лестрейду и попросил его сообщить мне те подробно-

⁹ Улица в центре Лондона, сравнительно недалеко от Бейкер-стрит.

¹⁰ См. т. 1 («Собака Баскервилей. Этюд в багровых тонах») наст. изд., комментарий на с. 391.

¹¹ Никколо Паганини (1782–1840) – итальянский скрипач и композитор. В XIX в. его имя было окружено ореолом таинственности, основанном на необычайной виртуозности его игры.

¹² См. т. 5 («Приключения Шерлока Холмса. Убийца, мой друг») наст. изд., комментарий на с. 386.

¹³ См. тт. 1 и 3 («Знак четырех. Записки о Шерлоке Холмсе») наст. изд. – соответственно.

сти, которые станут известны после того, как он арестует преступника. В том, что он его арестует, можно не сомневаться, потому что, хоть Лестрейд и напрочь лишен здравого ума, у него бульдожья хватка, и как только он поймет, что нужно делать, от своего уже не отступится. Именно благодаря этой хватке наш друг и поднялся до таких вершин в Скотленд-Ярде.

– Выходит, дело еще не закончено? – несколько удивился я.

– С основными вопросами мы уже разобрались. Нам известно, кто совершил это отвратительное преступление, хотя все еще не знаем, кто же одна из жертв. Но наверняка у вас есть свои выводы.

– Я полагаю, вы подозреваете этого Джима Браунера, стюарда с ливерпульского судна?

– Это больше чем подозрение.

– И все же, признаюсь, я весьма смутно представляю себе, что может доказать его вину.

– Напротив. Мне кажется, все предельно ясно. Позвольте, я напомним вам наши основные шаги. За дело мы взялись, если помните, абсолютно ничего не зная, а это всегда является преимуществом. Мы не строили предварительных версий, просто приехали туда, наблюдали и на основании наблюдений делали заключения. Итак, что мы увидели вначале? Тихую почтенную леди, ничего не знающую ни о каких тайнах и загадках, и семейный портрет, который указал на то, что у нее есть две младшие сестры. У меня тут же появилось подозрение, что посылка предназначалась одной из них. Я на время отставил в сторону эту идею и решил вернуться к ней позже, когда у нас будет время либо подтвердить, либо опровергнуть ее. Потом мы пошли в сад и, как вы помните, изучили страшное содержимое маленькой желтой коробки.

Веревки наподобие той, которой была перевязана посылка, используются на кораблях для починки парусов, и тут же в расследовании почувствовался запах моря. Когда я увидел, что шнурок завязан морским узлом, что пакет отправлен из порта и что мужское ухо проколото для серьги (а это намного чаще встречается у моряков, чем у сухопутных жителей), у меня почти не осталось сомнения в том, что все актеры в этой драме так или иначе связаны с морем.

Принявшись изучать адрес, написанный на пакете, я обратил внимание, что там было указано «Мисс С. Кушинг». Если бы послание было адресовано старшей из сестер, его подписали бы, конечно же, «Мисс Кушинг». Поэтому, несмотря на то что ее инициал тоже «С.», посылка могла предназначаться и ее сестре, и в таком случае все дело принимало новый оборот. Чтобы в этом разобраться, я и вернулся в дом. Я как раз собирался заверить мисс Кушинг, что произошла ошибка, когда, как вы, очевидно, заметили, внезапно замолчал. Дело в том, что я увидел нечто такое, что порядком удивило меня и в то же время значительно сузило поле наших поисков.

Ватсон, вы, как медик, должны знать, что у людей уши отличаются больше, чем любая другая часть тела. У каждого человека уши, как правило, имеют свою уникальную и неповторимую форму. В «Антропологическом журнале»¹⁴ в прошлом году вышло две моих небольших статьи на эту тему. Поэтому уши из коробки я рассматривал глазами специалиста, замечая все анатомические особенности. Представьте себе мое удивление, когда при взгляде на мисс Кушинг я вдруг увидел, что ее ухо соответствовало тому женскому уху, которое я только что видел в коробке. Совпадение исключалось. Такая же укороченная раковина, такой же широкий контур верхней части мочки, такой же изгиб внутреннего хряща. По всем показателям совпадение было полным.

¹⁴ «Антропологический журнал» – ежеквартальный научный журнал Королевского Антропологического института. Основан в 1871 г., занимается вопросами изучения человека как биологического вида и человеческого общества (антропология – от греч. *ánthrōpos* – человек и *lógos* – слово, учение).

Далее мы выяснили, что ее сестру зовут Сара и что до недавнего времени они жили по одному адресу, поэтому стало понятно, как могла произойти эта ошибка и кому предназначалась посылка. Потом мы узнали о существовании стюарда, мужа третьей из сестер, и о том, что он был настолько близко знаком с мисс Сарой, что она даже переехала в Ливерпуль, чтобы быть ближе к Браунерам, хотя впоследствии между ними что-то произошло и они расстались. Из-за этой ссоры они не поддерживали отношений несколько месяцев, и, следовательно, если бы Браунер решил что-нибудь послать мисс Саре, он бы отправил это на ее старый адрес.

Тут дело начало проясняться. Нам стало известно о существовании вспыльчивого молодого стюарда, человека страстного (вспомните, что он отказался от очень выгодной должности ради того, чтобы быть ближе к жене) и страдающего периодическими запоями. Появились основания предполагать, что жертвой стала его жена и что вместе с ней был убит мужчина, предположительно моряк. Естественно, первым делом напрашивалась мысль о том, что мотивом преступления послужила ревность. Но зачем посылать мисс Саре Кушинг доказательства совершенного злодеяния? Возможно, причина в том, что, живя в Ливерпуле, она каким-то образом участвовала в событиях, которые привели к такой трагической развязке. Суда, курсирующие по этой линии, заходят в Белфаст, Дублин и Уотерфорд¹⁵. Значит, если предположить, что, сделав свое дело, Браунер сразу же поднялся на борт парохода «Майский день», то Белфаст – первое место, откуда он мог выслать свою страшную посылку.

На данном этапе представлялось возможным и другое объяснение происшедшего, и, хоть оно и казалось мне слишком маловероятным, я все же хотел его проверить, прежде чем идти дальше. Какой-нибудь отвергнутый любовник мог убить мистера и миссис Браунер, и мужское ухо могло принадлежать мужу. Против этой версии существовало множество серьезных возражений, но все же она была допустима. Поэтому я послал телеграмму своему другу Элгару из полицейского управления Ливерпуля и попросил его проверить, дома ли миссис Браунер и значится ли мистер Браунер в списке команды «Майского дня». После этого мы с вами отправились в Воллингтон нанести визит мисс Саре.

Мне это было нужно в первую очередь для того, чтобы увидеть, насколько фамильное сходство ушей отразилось на ней. Ну, кроме того, она могла дать нам очень важную информацию, но на этот счет я не обольщался. Понимаете, о том, что произошло, мисс Сара Кушинг должна была узнать еще вчера, поскольку весь Кройдон уже гудит от слухов. Она – единственный человек, который знает, кому на самом деле предназначалась посылка, и если бы ей хотелось помочь правосудию, она бы уже обратилась в полицию. В любом случае мы должны были повидаться с ней, поэтому и поехали в Воллингтон. Мы узнали, что весть о посылке, которая совпала по времени с ее болезнью, произвела на нее такое впечатление, что она слегла с нервным расстройством. Это окончательно доказало, что она полностью понимает значение послания, хотя нам и придется подождать некоторое время, чтобы получить от нее хоть какую-то помощь.

Впрочем, на самом деле мы вполне могли обойтись и без нее. Ответы на все вопросы уже дожидались нас в полицейском участке, куда Элгар прислал их по моей просьбе. Его телеграмма прояснила все. Дом миссис Браунер закрыт уже больше трех дней, и соседи предполагали, что она уехала на юг к родственникам. В пароходной компании выяснилось, что Браунер уплыл из Ливерпуля на борту парохода «Майский день». Я подсчитал, что завтра вечером он войдет в устье Темзы. Там Браунера уже будет ждать тупоголовый, но решительный Лестрейд, и я не сомневаюсь, что после их встречи мы будем знать все недостающие подробности.

¹⁵ Город-порт в Ирландии.

И Шерлок Холмс не был разочарован в своих ожиданиях. Через два дня он получил увесистый конверт, в котором содержалась короткая записка от инспектора и напечатанный на машинке документ на несколько страниц.

– Лестрейд взял его, – сказал Холмс, подняв на меня глаза. – Вам, возможно, будет интересно узнать, что он пишет.

«Дорогой мистер Холмс, в соответствии с тем планом, который мы составили, чтобы проверить нашу версию (как вам нравится это «мы», Ватсон?), вчера в шесть вечера я направился в Альберт-док¹⁶ и поднялся на пароход «Майский день», принадлежащий «Ливерпульско-дублинско-лондонской пароходной компании». На мой вопрос мне ответили, что на борту действительно находится стюард по имени Джеймс Браунер, но во время плавания он вел себя так странно, что капитан вынужден был освободить его от исполняемых им обязанностей. Я спустился в кубрик и увидел, что он сидит на сундуке, закрыв лицо руками, и качается взад-вперед. Это крепкий и сильный парень, без бороды и усов, очень смуглый... В общем, похож на Эдриджа, который помогал нам в деле о фальшивой прачечной. Узнав, зачем я к нему пришел, он вскочил, и я уже поднес к губам свисток, чтобы призвать на помощь ребят из речной полиции, которые ждали меня за дверью, но он лишь спокойно протянул руки, чтобы я надел на него наручники. Мы доставили его в участок вместе с его сундуком, в котором думали найти какие-нибудь вещественные доказательства, однако в сундуке не оказалось ничего, кроме большого острого ножа, такого, какой есть почти у каждого моряка. Впрочем, других доказательств нам и не потребовалось, потому что в участке, когда его привели на допрос, он попросил разрешения сделать заявление, которое, конечно же, наш стенографист записал слово в слово. Мы напечатали три экземпляра его признания, один из которых я и направляю вам. Дело, как я и предполагал с самого начала, оказалось чрезвычайно простым, но все же я благодарен Вам за помощь в расследовании. С уважением, искренне Ваш, Д. Лестрейд».

– Гм! Дело и впрямь оказалось очень простым, – заметил Холмс. – Хотя, помнится, когда Лестрейд обратился ко мне за помощью, оно ему таким не представлялось. Впрочем, давайте лучше почитаем, что обо всем этом рассказал сам Джим Браунер. Это его заявление, сделанное инспектору Монтгомери в Шедуэллском¹⁷ полицейском участке. Нам повезло, что запись велась дословно.

«Хочу ли я что-нибудь сказать? Да, хочу. Я много чего хочу сказать. Я хочу во всем признаться. Повесить меня или отпустить – решать вам, да только мне все равно, что вы там решите. Знаете, после того, что я сотворил, я ведь не спал ни минуты, и думаю, что уже никогда не смогу заснуть до тех пор, пока глаза мои не закроются навеки. Я ведь все время вижу ее лицо. Иногда я вижу и его, но чаще всего ее. Они меня не отпускают, кто-то из них все время находится рядом. Он хмурится, но у нее выражение скорее удивленное. Бедная белая овечка, конечно же, она удивилась, когда увидела смерть в глазах, в которых почти никогда раньше не видела ничего, кроме любви.

¹⁶ Док (англ. dock от ср. – нидерл. docke из позднелат. ductia – водосток, желоб) – портовое сооружение для осмотра и ремонта, а иногда для постройки судов. Получивший свое название в честь супруга королевы Виктории принца Альберта (1819–1861), Альберт-док находится на Темзе, был открыт в 1880 г.

¹⁷ Шедуэлл – район Лондона.

Это Сара во всем виновата, будь она проклята, чтоб ей сгнить заживо! Нет, я себя не выгораживаю, я же опять пить начал, как скотина. Но она бы простила меня, я знаю, мы бы с ней притерлись, как трос с блоком, если бы эта женщина не встала между нами. Сара Кушинг любила меня... Из-за этого все и случилось... Любила, пока вся любовь ее не превратилась в яд и ненависть, когда она поняла, что отпечаток ножки моей женушки в дорожной грязи для меня значил больше, чем все ее тело и душа.

Их было три сестры. Старшая – обычная женщина, средняя – дьяволица, а младшая – ангел. Саре было тридцать три, а Мэри – двадцать девять, когда я женился на ней. Мы были счастливы, когда стали жить вместе, и во всем Ливерпуле не было лучше женщины, чем моя Мэри. А потом мы пригласили Сару пожить у нас недельку. Неделя превратилась в месяц, одно за другое, и она как бы стала частью нашей семьи. Я ведь тогда не пил. Мы понемножку откладывали деньги, и все было прекрасно и замечательно. Кто бы мог подумать, чем все это закончится, разве можно было такое предположить?

Я почти все выходные проводил дома, а если судно задерживали для погрузки, то, случалось, что свободной у меня оказывалась целая неделя, так что свояченицу свою Сару я видел очень часто. Она высокая, красивая женщина, жгучая брюнетка, горячая, гордая, а глаза у нее горят, будто там кто искры из кремня высекает. Но, когда рядом была Мэри, я о ней даже и не думал, клянусь, и если я вру, гореть мне в аду вовеки!

Иногда я замечал, что она как-то уж слишком настойчиво зовет меня на прогулку или норовит остаться со мной наедине, только сильно я об этом не задумывался. Но однажды глаза мои открылись. Я вернулся из очередного плавания и пришел домой вечером. Жены не было, зато дома была Сара. «Где Мэри?» – спросил я. – «Она пошла какие-то счета оплатить». – Мне очень не терпелось ее увидеть, поэтому я принялся ходить туда-сюда по комнате. – «Джим, неужели ты не можешь побыть счастливым без Мэри хоть пять минут? – говорит она. – Мне даже как-то обидно, что я тебе настолько неприятна, что ты и такое короткое время не хочешь побыть со мной». – «Ну что ты придумываешь, девочка моя», – сказал я и протянул к ней руку, просто так, чтобы успокоить, но она тут же схватила ее обеими руками, и я почувствовал, что они у нее горят как огонь. Я посмотрел ей в глаза и сразу понял все. Тогда я отдернул руку и нахмурился. Она подошла ко мне, немного постояла молча, потом потрепала меня по плечу. «Успокойся, старина Джим!» – сказала она каким-то насмешливым голосом, рассмеялась и выбежала из комнаты.

После этого Сара возненавидела меня всем сердцем, всей душой. О, эта женщина умеет ненавидеть. Какой же я дурак, что позволил ей остаться у нас! Жалкий слепой тупица! Но о том, что случилось, Мэри я не сказал ни слова, я знал, что это очень расстроит ее. Поначалу все шло, как прежде, но потом я начал замечать, что с Мэри что-то происходит. Она всегда была такой наивной, такой доверчивой, а теперь в ней появилась какая-то подозрительность, недоверчивость. Начались расспросы, где я был, что делал, от кого получаю письма, что у меня в карманах, и еще тысяча подобных глупостей. День ото дня она становилась все недоверчивее и раздражительнее, ни дня не проходило без того, чтобы мы не поссорились из-за какого-нибудь пустяка. Я не мог понять, почему это происходит, в чем причина. Сара меня избегала, зато с Мэри они сделались неразлучны. Теперь-то я понимаю, как она накручивала мою жену, отравляла ей жизнь и настраивала против меня, только тогда я, как слепой крот, ничего этого не видел. И я снова запил. Наверное, этого не случилось бы, если бы Мэри была такой, как всегда, но теперь у нее появилась причина презирать меня, и трещина между нами становилась все больше и больше. А потом появился этот Алек Фэрберн, и все стало в тысячу раз хуже.

В первый раз он пришел в мой дом, чтобы увидаться с Сарой, но потом уже приходил, чтобы повидаться со всеми нами; это был очень общительный человек, из тех, которые всюду, куда попадают, заводят себе друзей. Держался он всегда свободно и за словом

в карман не лез. Яркий такой, веселый парень, всегда с иголки одет, умный и красивый, к тому же блестящий рассказчик, который повидал чуть ли не полмира. В общем, что называется, душа компании. Да, не отрицаю, с ним было интересно, к тому же, как для моряка, вел он себя уж очень вежливо. Думаю, ему случалось проводить больше времени на корме, чем на баке. Целый месяц он приходил в мой дом, и я представить себе не мог, что от этого обходительного весельчака можно ждать чего-то плохого. Но потом все же меня что-то насторожило, и я навсегда потерял покой.

Это была мелочь. Я как-то вернулся домой раньше, чем думал. Когда я вошел, у жены лицо прямо-таки светилось от счастья, будто она уже заждалась меня, но, как только увидела, кто пришел, выражение это тут же улетучилось и она разочарованно отвернулась. Мне большего доказательства и не потребовалось. Только шаги Алека Фэрберна она могла спутать с моими. Если бы он тогда попался мне под руку, я бы его убил, потому что, если уж на меня находит, я превращаюсь в настоящего зверя. Мэри, должно быть, увидела дьявольский огонь у меня в глазах, потому что бросилась ко мне и схватила за руку. «Не надо, Джим, не надо!» – говорит. – «Где Сара?» – спросил тогда я. – «На кухне», – отвечает. – «Сара, – сказал я, когда вошел в кухню, – я хочу, чтобы в моем доме ноги этого Фэрберна больше не было». – «Это почему?» – спрашивает она. – «Потому что я так хочу!» – «О, ну тогда, – говорит она, – раз мои друзья не достойны того, чтобы переступить порог этого дома, значит, и я сама не достойна этого». – «Поступай, как хочешь, – говорю тогда ей я, – но если еще раз Фэрберн сюда явится, я пришлю тебе его ухо на хранение». Похоже, у меня в ту минуту было такое лицо, что она испугалась, ничего не ответила и в тот же вечер уехала из моего дома.

То ли эта женщина делала все это просто от злости, то ли думала, что сможет настроить меня против жены, если собьет ее с пути истинного, не знаю. В общем, она сняла дом через две улицы от нас и стала сдавать комнаты морякам. Фэрберн останавливался у нее, и Мэри ходила к ним на чай. Как часто она туда ходила, я не знаю, но однажды я пошел следом за ней. Как только я ворвался в тот дом, Фэрберн, этот трусливый пес, удрал через забор в саду на заднем дворе. Я тогда поклялся жене, что, если еще раз застану их вместе, убью ее, и потащил домой за руку. Она плакала и вся дрожала, а лицо у нее было бледное как бумага. После того случая от нашей любви не осталось и следа. Я видел, что она ненавидела и боялась меня, и когда от этого я начинал пить, она меня еще и презирала.

Потом Сара поняла, что в Ливерпуле заработать себе на жизнь не сможет, поэтому, как я понял, вернулась в Кройдон к сестре. У нас дома все тянулось по-старому. А потом наступила эта ужасная неделя, когда все рухнуло.

Все произошло так. «Майский день» вышел в рейс на неделю, но одна из бочек на борту отвязалась и пробила переборку, поэтому нам пришлось вернуться в порт. Нам сказали, что ремонт затянется часов на двенадцать, и тогда я решил сходить домой. Я думал, то-то жена удивится, надеялся даже, что она обрадуется, когда увидит, что я так быстро вернулся. С этой мыслью я свернул на свою улицу, и тут мимо меня проехал кеб. В том кебе я увидел свою Мэри, она сидела бок о бок с Фэрберном. Они разговаривали и смеялись, не замечая, что я стою на тротуаре и наблюдаю за ними.

Поверьте, я могу поклясться, что в ту секунду я потерял голову, перестал соображать, что делаю. Сейчас я вспоминаю все это, как какой-то страшный сон. В последнее время я много пил, наверное, еще и из-за этого в голове у меня что-то заклинило. У меня и сейчас там что-то стучит, как докерский молот, но в то утро в ушах у меня гул и свист стоял погромче, чем на Ниагаре.

Я не стал стоять на месте, побежал вслед за кебом. В руках у меня была тяжелая дубовая трость, и если бы они сразу оказались у меня в руках, я убил бы их обоих на месте, но, пока я бежал, у меня появилась мысль поступить хитрее. Я немного поотстал, чтобы иметь возможность следить за ними, а самому при этом оставаться незамеченным. Скоро

они подъехали к железнодорожному вокзалу. У кассы там столпилось много народу, поэтому мне удалось подойти к ним довольно близко, но так, что они по-прежнему меня не видели. Они купили билеты до Нью-Брайтона¹⁸. Я взял билет в тот же поезд, но на три вагона дальше. Когда приехали туда, они погуляли по набережной (я все это время шел за ними, не отставая больше, чем на сто ярдов), потом взяли напрокат лодку. День был жаркий, и они, вероятно, подумали, что на воде будет прохладнее.

Мне показалось, что сама судьба отдает их в мои руки. Тогда стоял небольшой туман, и за пару сотен ярдов уже ничего нельзя было различить. Я тоже взял лодку и поплыл за ними. Видимость была плохая, но плыли они почти так же быстро, как я, и от берега отошли, должно быть, на целую милю, прежде чем я их догнал. Туман закрывал нас со всех сторон, как балдахин, и мы втроем оказались словно отрезанными от всего остального мира. Господи Боже, забуду ли я когда-нибудь их лица, когда они увидели, кто подплывает к ним? Она закричала. Он стал ругаться, как сумасшедший, и ткнул в меня веслом, наверное, потому, что прочитал в моих глазах смерть. Но я увернулся и тростью с размаху раскроил ему голову, как яйцо. Несмотря на безумие, охватившее меня, Мэри я, наверное, пощадил бы, но она бросилась к нему, обняла и стала кричать: «Алек! Алек!» Я еще раз махнул тростью, и она упала рядом с ним. Я тогда был как лютый зверь, почувствовавший вкус крови. Если бы там была и Сара, клянусь Господом Богом, я сделал бы с ней то же самое. Я достал нож и... Ну, хватит, я уже достаточно рассказал! Я испытал какой-то звериный восторг, когда подумал, что почувствует Сара, когда увидит такой подарок и поймет, к чему привели ее козни. Привязав их тела к лодке, я пробил дно и дождался, пока они ушли на дно. Я понимал, что на лодочной станции решат, что они в тумане сбились с пути и выплыли в открытое море. Потом я привел себя в порядок, причалил к берегу и вернулся на свое судно. Ни одна живая душа не догадывалась, что произошло. Вечером я приготовил посылку для Сары Кушинг и на следующий день отправил ее из Белфаста.

Все, что я рассказал, истинная правда. Можете меня повесить, делайте со мной что хотите, только вы не сможете наказать меня сильнее, чем я уже наказан. Как только я закрываю глаза, я вижу их лица. Они смотрят на меня... Смотрят так, как смотрели в тот миг, когда я выплыл на них из тумана. Я убил их быстро, но они убивают меня медленно. Еще одна ночь, и я либо сойду с ума, либо до утра не доживу. Вы же не закроете меня в одиночке, сэр? Умоляю вас, только не в одиночку, и пусть, когда настанет ваш последний час, к вам отнесутся так же, как вы отнесетесь ко мне сейчас».

— Для чего все это, Ватсон? — с мрачным видом произнес Холмс, откладывая бумаги. — Какова цель этого круга страданий, жестокости и страха? Выходит, это для чего-то нужно, иначе пришлось бы признать, что мирозданием нашим правит слепой случай, а это ведь немыслимо. Но какой в этом смысл? На этот вечный вопрос человеческий разум до сих пор не может дать ответа.

¹⁸ Нью-Брайтон — морской курорт на западном побережье Англии.

Дело второе Вистерия-лодж¹⁹

Часть первая Удивительное происшествие с мистером Джоном Скоттом-Эклсом

В моей записной книжке значится, что случилось это мрачным ветреным днем в конце марта тысяча восемьсот девяносто второго года²⁰. Когда мы обедали, Шерлоку Холмсу принесли телеграмму. Он чиркнул короткий ответ, но объяснять ничего не стал, хотя было видно, что дело это не идет у него из головы. Покончив с едой, он встал, подошел к камину и замер с задумчивым лицом, попыхивая трубкой и время от времени бросая взгляд на послание. Неожиданно он повернулся и посмотрел на меня, в глазах его блеснули озорные огоньки.

– Ватсон, вас, я полагаю, можно считать человеком образованным, – сказал он. – Как вы понимаете слово «гротеск»²¹?

– Ну, это нечто причудливое... необычное, – пожал плечами, ответил я.

Услышав мое определение, он покачал головой.

– Нет, наверняка его смысл глубже, – сказал он. – В этом слове чувствуется что-то трагическое и страшное. Если вы вспомните свои рассказы, которыми потчуете терпеливую публику, вы увидите, сколько гротеска существует во всем, что связано с преступным миром. Вспомните хотя бы то небольшое дельце о рыжеголовых²². Вначале это было сплошным гротеском, а чем закончилось? Хитроумной попыткой ограбления. А дело с пятью апельсиновыми зернышками²³, этот странный гротеск, который привел нас к заговору убийц! Нет, это слово заставляет меня насторожиться.

– Что, оно упоминается в телеграмме? – спросил я.

Он прочитал послание вслух:

«Только что со мной случилось нечто невероятное. Какой-то гротеск. Могу ли я проконсультироваться с вами? Скотт-Эклс».

– Послано с почтового отделения на Чаринг-Кросс.

– Это мужчина или женщина? – уточнил я.

– Мужчина, конечно же. Ни одна женщина не стала бы слать телеграмму с оплаченным ответом. Она бы приехала сама.

– Вы согласились на встречу?

– Дорогой Ватсон, вы же прекрасно знаете, как я мучаюсь от скуки после того, как мы упрятали за решетку полковника Карузерса. Мой мозг похож на гоночный мотор, который разрывается на куски, если не выполняет работу, для которой предназначен. Жизнь стала спокойной и пресной, в газетах пусто, дерзких злодеев не осталось, романтика ушла из пре-

¹⁹ Сторожка (англ. lodge).

²⁰ А. Конан Дойла, как это не раз происходит в холмсиане, подводит память: из рассказа «Последнее дело Холмса» (т. 3 наст. изд.) следует, что Холмс исчез в бездне Рейхенбахского водопада 4 мая 1891 г., – и считался погибшим вплоть до 31 марта 1894 г., о чем говорится в рассказе «Приключение в пустом доме» (сборник «Возвращение Шерлока Холмса» – т. 7 наст. изд.).

²¹ Гротеск (от фр. grotesque – причудливый, затейливый; смешной, комический – от ит. grotta – грот) – изображение чего-либо в фантастически преувеличенном, уродливо-комическом виде; изначально – орнамент в виде переплетающихся изображений животных, растений и др., наиболее древние образцы которого были обнаружены в развалинах древнеримских построек, называвшихся в народе «гротами».

²² См. рассказ «Союз рыжих» (сборник «Приключения Шерлока Холмса» – т. 5 наст. изд.).

²³ См. рассказ «Пять апельсиновых зернышек» (сборник «Приключения Шерлока Холмса» – т. 5 наст. изд.).

ступного мира. Да я готов заняться любым делом, каким бы простым оно ни оказалось! Но вот, по-моему, и наш клиент.

С лестницы донеслись размеренные шаги, и в следующий миг высокий, статный и важный господин с седыми бакенбардами вошел в нашу комнату. Достаточно было окинуть его взглядом, чтобы понять, что это за человек. Широкое лицо с крупными чертами, горделивая осанка – все, от гетр до очков в золотой оправе, указывало на то, что перед нами консерватор, верующий, добропорядочный гражданин, придерживающийся в высшей степени традиционных и общепринятых взглядов. Только какое-то сильное переживание поколебало его врожденную уравновешенность, о чем свидетельствовали всклокоченные волосы, горящие щеки с глубокими складками и дерганые взволнованные движения. Не тратя времени на церемонии, он сразу заговорил о своем деле.

– Со мной произошел поразительный и крайне неприятный случай, мистер Холмс, – воскликнул он. – Никогда в жизни я не попадал в такую ситуацию. Это просто непостижимо... Дикость какая-то! Я требую объяснений!

От гнева он захлебывался и глотал слова.

– Прошу вас, садитесь, мистер Скотт-Эклс, – мягким, успокаивающим тоном произнес Холмс. – Объясните вначале, что привело вас ко мне.

– Понимаете, сэр, мне показалось, что это дело не для полиции. Однако, когда вы все узнаете, вы, конечно, согласитесь, что оставлять все это так тоже нельзя, нужно что-то делать. Частные сыщики не те господа, которые вызывают у меня доверие, но тем не менее ваше имя...

– Да-да, конечно. Тогда второй вопрос: почему вы не пришли ко мне сразу? – Холмс посмотрел на часы. – Ваша телеграмма была доставлена примерно в час. А по вам и по вашей одежде видно, что неприятности ваши начались сразу же, как только вы проснулись.

Наш клиент пригладил растрепанные волосы и пощупал небритый подбородок.

– Вы правы, мистер Холмс. Об утреннем туалете я даже не подумал. Я был рад как можно скорее убраться из этого дома. Но прежде чем прийти к вам, я еще бегал по городу и наводил справки. Я побывал в агентстве недвижимости, и меня там заверили, что мистер Гарсия платил за аренду исправно и что в Вистерия-лодж до сих пор всегда все было в порядке.

– Ну-ну, сэр, – рассмеялся Холмс. – Вы напоминаете мне моего друга доктора Ватсона, который имеет плохую привычку ставить в своих рассказах все с ног на голову и начинать с конца. Прошу вас, соберитесь с мыслями и опишите мне в правильном порядке все те события, которые заставили вас позабыть о расческе и бритве и выгнали из дома в ботинках с незавязанными шнурками и в неправильно застегнутом жилете искать совета и помощи.

Наш клиент окинул себя удрученным взглядом.

– Я, должно быть, действительно ужасно выгляжу, мистер Холмс, но со мной такое происходит впервые в жизни. Впрочем, я вам сейчас все расскажу, и потом, я уверен, вы согласитесь, что в такой ситуации это простительно.

Однако его рассказ был прерван, едва успев начаться. Неожиданно на лестнице послышалась какая-то шумная возня, дверь распахнулась, и миссис Хадсон впустила в комнату двух крепких субъектов официального вида, одного из которых мы хорошо знали. Это был инспектор Грегсон из Скотленд-Ярда, энергичный, смелый и в меру способный офицер. Он поздоровался с Холмсом за руку и представил своего спутника как инспектора Бэйнса из полиции Суррея.

– Мы охотимся вместе, мистер Холмс, и след привел нас сюда, – повернул он бульдожье лицо в сторону нашего посетителя. – Вы мистер Джон Скотт-Эклс, проживающий в Попэм-Хаус в Ли?²⁴

– Да.

– Мы преследуем вас все утро.

– Разумеется, нашли вы его по телеграмме, – сказал Холмс.

– Совершенно верно, мистер Холмс. Мы взяли след в почтовом отделении на Чаринг-Кросс и направились напрямик сюда.

– Но зачем вы следите за мной? Что вам нужно?

– Мы бы хотели услышать ваше заявление, мистер Скотт-Эклс, относительно событий, которые вчера вечером закончились смертью мистера Алоисио Гарсии из Вистерия-лодж в районе Эшера.

Наш клиент выпрямился в кресле, глаза его округлились от удивления, лицо побледнело как мел.

– Смертью? Вы говорите, он умер?

– Да, сэр, умер.

– Но как? Несчастный случай?

– Убийство. Самое натуральное убийство.

– Боже правый! Это ужасно! Но не хотите же вы сказать... Не хотите же вы сказать, что подозреваете меня?

– В кармане убитого найдено ваше письмо, из которого мы узнали, что эту ночь вы собирались провести в его доме.

– Ну да, так и есть.

– Значит, вы это признаете?

Инспектор выхватил записную книжку.

– Подождите, Грегсон, – вмешался Шерлок Холмс. – Вам ведь нужен внятный и откровенный рассказ, не так ли?

– И я обязан предупредить мистера Скотта-Эклса, что он может быть использован против него.

– Мистер Эклс как раз собирался все нам рассказать, когда вы вошли. Ватсон, я думаю, бренди с содовой ему не повредит. Итак, сэр, я предлагаю вам не обращать внимания на то, что аудитория ваша увеличилась, и продолжить рассказ, как если бы вас не прерывали.

Посетитель наш залпом выпил бренди, и кровь снова прилила к его щекам. Поглядывая с подозрением на записную книжку инспектора, он приступил к своему удивительному рассказу.

– Я холостяк, – сказал он. – Но по натуре человек общительный, поэтому у меня много друзей. Среди них и семья отошедшего от дел пивовара по фамилии Мелвил, который живет в Кенсингтоне²⁵ в Абермал-мэншин. У него в гостях я и познакомился пару недель назад с молодым человеком по фамилии Гарсия. Насколько я понял, по происхождению он испанец и как-то связан с посольством. Однако английским он владел в совершенстве, обладал превосходными манерами, да еще и выглядел прекрасно, настоящий красавец.

Как-то само собой вышло, что мы сблизились с ним, можно даже сказать, подружился. Я, похоже, ему тоже сразу понравился, и уже через два дня после нашей первой встречи он приехал ко мне в гости в Ли. Естественно, через какое-то время он пригласил меня

²⁴ Ли – район на юге Лондона.

²⁵ Кенсингтон – район на западе Лондона.

на несколько дней к себе, в Вистерия-лодж, это между Эшером и Оксшоттом²⁶. Вчера вечером я и отправился туда через Эшер.

Он заранее описал мне своих домочадцев. Жил он с преданным слугой, своим соотечественником, который говорил по-английски и вел все хозяйство, и поваром. Гарсия называл его метисом и говорил, что он готовит просто изумительные обеды. Он взял его к себе во время одного из своих путешествий. Помню, Гарсия как-то заметил, что в самом сердце Суррея не часто встретишь такую прислугу, как у него, и я с ним согласился, хотя даже не предполагал тогда, насколько необычным все окажется в действительности.

Я приехал в Вистерия-лодж... Особняк этот находится милях в двух южнее Эшера. Это довольно большой дом, который стоит в стороне от основной дороги. К нему ведет извилистая подъездная дорожка, обсаженная с обеих сторон высокими кустами. Само здание старое, обветшалое, видно, что последний раз ремонтировали его очень и очень давно. Когда коляска остановилась на заросшей травой площадке у выцветшей и потрескавшейся двери, я начал сомневаться, что поступил правильно, приняв приглашение почти незнакомого человека. Дверь открыл он сам и, увидев меня, очень обрадовался. Потом меня препоручили слуге, смуглому мужчине с грустным лицом, который, взяв мой чемодан, провел меня в мою комнату. В целом дом подействовал на меня угнетающе. Обедали мы *tête-à-tête*²⁷, и хоть мой хозяин и старался изо всех сил держаться непринужденно, было заметно, что мысли его заняты чем-то другим, к тому же разговаривал он до того сбивчиво и путано, что я почти ничего не понимал. Он все время барабанил пальцами по столу, грыз ногти, в общем, вел себя так, словно очень нервничал и чего-то ждал. Обед не был ни хорошо приготовлен, ни хорошо подан, к тому же мрачное присутствие молчаливого слуги тоже не поднимало настроения. Поверьте, в тот вечер у меня не раз возникало желание придумать какую-нибудь отговорку и побыстрее вернуться в Ли.

Мне на память приходит один случай, который может иметь отношение к тому, что вы расследуете, джентльмены. Тогда я, правда, не придавал этому значения. Под конец обеда слуга принес какую-то записку. Я заметил, что хозяин мой, прочитав ее, стал вести себя еще более странно. Он вовсе перестал делать вид, что ему интересен разговор со мной. Ничего не сказав, он стал курить одну сигарету за другой, о чем-то напряженно думая. Около одиннадцати я, к своей радости, наконец-то мог лечь спать. Однако через какое-то время ко мне заглянул Гарсия (в комнате тогда уже было темно) и спросил, не звонил ли я. Я ответил, что нет. Тогда он извинился, сказал, что уже почти час ночи, и ушел. После этого я заснул и крепко спал до самого утра.

А теперь я перехожу к самой удивительной части своего рассказа. Проснулся я, когда уже было совсем светло. Я посмотрел на часы, оказалось почти девять. Вечером я специально попросил разбудить меня в восемь, поэтому весьма удивился такой забывчивости. Я тут же поднялся и позвонил слуге. Но никто не явился. Я позвонил еще раз – с тем же результатом. Тогда я подумал, что в моей комнате, наверное, не работает звонок. Кое-как одевшись, я в самом скверном настроении пошел вниз просить, чтобы мне принесли теплой воды. Можете себе представить, как я удивился, когда увидел, что там никого нет. Я крикнул, но мне никто не ответил. Тогда я стал обходить комнату за комнатой, и оказалось, что все они пусты. Хозяин мой вчера показывал, где его спальня, я постучался и в нее. Ответа не последовало. Я открыл дверь и вошел. Внутри не было никого, в кровати этой ночью явно никто не спал. Хозяин-иностранец вместе со своими иностранными слугой и поваром ночью просто исчезли. На этом мое пребывание в Вистерия-лодж закончилось.

²⁶ Оксшотт – деревня и транспортный узел в графстве Суррей, к юго-западу от Лондона.

²⁷ Вдвоем, без посторонних (*фр.*). (Здесь и далее примеч. перев.)

Шерлок Холмс, слушая эту поразительную историю, от удовольствия потирал руки и посмеивался.

– С вами произошло нечто в самом деле уникальное, – сказал он. – Позвольте узнать, что же было дальше?

– Я пришел в ярость. Первым делом я подумал, что стал жертвой какого-то совершенно бессмысленного розыгрыша. Я собрал вещи, хлопнул дверью, вышел из этого дома и пешком с чемоданом в руках пошел в Эшер. Там я заглянул в «Аллен-бразерс» – ведущее агентство недвижимости и узнал, что вилла эта сдана в аренду именно им. Тогда мне в голову пришла мысль, что все это вряд ли было организовано, чтобы выставить дураком меня, и, скорее всего, эти люди сбежали, чтобы не платить ренту. Сейчас конец марта, скоро день выплат. Однако предположение мое не подтвердилось. Работник агентства поблагодарил меня за предупреждение, но сказал, что за дом уплачено вперед. Я уехал в город и зашел в испанское посольство. Там этот человек был не известен. Тогда я отправился к Мелвилу, у которого впервые встретился с Гарсией, но выяснилось, что он знает о Гарсии еще меньше, чем я. Наконец, получив от вас ответ на свою телеграмму, я приехал сюда. Вы ведь, насколько я знаю, помогаете разобраться в сложных ситуациях. А теперь, мистер инспектор, если я правильно понял ваши слова, вы знаете продолжение этой истории и произошла какая-то трагедия. Я могу вас заверить, что каждое сказанное мною слово – правда, и кроме того, что я уже рассказал, мне ровным счетом ничего не известно о судьбе этого человека. Мое единственное желание – помочь закону.

– Не сомневаюсь, мистер Скотт-Эклс... Не сомневаюсь, – дружелюбным тоном произнес Грегсон. – Должен сказать, все, что вы нам рассказали, полностью соответствует фактам, которые нам известны. Например, эта записка, которую принесли во время обеда. Вы случайно не заметили, что с ней стало?

– Заметил. Гарсия скомкал ее и бросил в огонь.

– Что вы скажете на это, мистер Бэйнс?

Сельский сыщик был дородным рыжеволосым мужчиной с красным лицом, грубость черт которого скрадывалась удивительно яркими глазами, почти скрытыми между тяжелыми щеками и нависающим лбом. Лениво улыбнувшись, он медленным движением достал из кармана смятую выцветшую бумажку.

– Там была каминная решетка, мистер Холмс, и он бросил бумажку через нее. Она залетела в самую глубь камина, поэтому и не сгорела. Там я ее и нашел.

Холмс улыбкой дал понять, что одобряет его действия.

– Вы, должно быть, очень внимательно обыскивали дом, раз нашли маленькую смятую бумажку.

– Да, мистер Холмс, я всегда так работаю. Прочитать, мистер Грегсон?

Лондонец кивнул.

– Записка написана на обычной кремовой бумаге без водяных знаков, форматом в четверть листа²⁸. Лист надрезан в двух местах ножницами с короткими лезвиями, потом сложен в три раза, наскоро запечатан фиолетовым воском при помощи плоского овального предмета. Адресована записка мистеру Гарсии, Вистерия-лодж. В ней говорится: «Цвета – наши: зеленый и белый. Зеленый – открыто, белый – закрыто. Главная лестница, первый коридор, седьмая дверь справа, зеленое сукно. Удачи. Д.» Почерк женский, написано тонким пером, но адрес писался либо другим пером, либо его написал вообще другой человек. Как видите, здесь линия толще и нажим сильнее.

– Очень интересная записка, – констатировал Холмс, осмотрев листок. – Должен признать, я приятно удивлен вашим вниманием к мелочам. Я могу лишь добавить несколько

²⁸ Т. е., в нынешней терминологии, приблизительно формата А4.

деталей. Плоский овальный предмет – это, несомненно, запонка... Что еще может быть такой формы? Надрезы сделаны маникюрными ножницами с загнутыми лезвиями. Хотя оба надреза и короткие, на обоих заметна одинаковая кривизна.

Сельский инспектор хмыкнул.

– Я думал, что выжал из этой записки все, что можно было, – сказал он. – Если честно, мне эта записка ничего не говорит, кроме того, что затевалось какое-то дело, в котором, как обычно, не обошлось без женщины.

Во время этого разговора мистер Скотт-Эклс беспокойно ерзал на своем месте.

– Я рад, что вы нашли эту записку, потому что она подтверждает мои слова, – сказал он. – Но я ведь до сих пор не знаю, что случилось с мистером Гарсией и его прислугой.

– Насчет мистера Гарсии я вам легко отвечу, – сказал Грегсон. – Сегодня утром его нашли мертвым на Окшоттском пустыре почти в миле от дома. Ему разmozжили голову несколькими мощными ударами мешка с песком или другого подобного орудия, которое не режет череп, а разбивает его на куски. Это глухое место, и на четверть мили вокруг там нет ни одного дома. Судя по всему, первый удар был нанесен сзади и оказался смертельным, но убийца еще долго продолжал избивать уже мертвое тело. Жестокость, с которой убивали, просто поразительна. Отпечатков ног не найдено, преступники не оставили никаких следов.

– Может быть, ограбление?

– Нет, его даже не пытались ограбить.

– Все это очень неприятно... Очень неприятно и даже ужасно, – недовольно проворчал мистер Скотт-Эклс. – Но только при чем здесь я? Почему вы решили, что я имею какое-то отношение к этой ночной прогулке, которая закончилась так печально?

– Все очень просто, сэр, – ответил инспектор Бэйнс. – Единственный документ, найденный в карманах убитого, – ваше письмо, в котором вы предупреждали его о своем намерении приехать к нему именно в тот день, когда он был убит. По конверту этого письма и установили имя и адрес убитого. Сегодня утром после девяти мы прибыли по этому адресу, но не нашли там ни вас, ни кого-либо другого. Я телеграфировал мистеру Грегсону, чтобы он попытался отыскать вас в Лондоне, а сам тем временем осмотрел Вистерия-лодж. Потом я сам приехал в город, встретился с мистером Грегсоном, и вот мы здесь.

– Думаю, теперь нам пора, – произнес Грегсон, вставая, – оформить это дело официально. Вы поедете с нами в участок, мистер Скотт-Эклс, там мы зафиксируем ваши показания на бумаге.

– Да, конечно. Но от ваших услуг, мистер Холмс, я не отказываюсь. Идите на любые расходы, сделайте все, но доберитесь до правды.

Мой друг повернулся к сельскому инспектору.

– Я полагаю, вы не станете возражать против моего участия в расследовании?

– Для меня это честь, сэр.

– Вижу, вы человек дела и очень серьезно относитесь к своей работе. Скажите, вы не заметили ничего, что могло бы указать на точное время совершения убийства?

– В час ночи тело уже лежало там. В это время прошел дождь, а убит Гарсия был, безусловно, до дождя.

– Позвольте, но это невозможно! – вскричал наш клиент. – У него очень характерный голос. Я могу поклясться, что именно он разговаривал со мной в моей спальне как раз в это время.

– Это примечательно, но отнюдь не невозможно, – улыбнулся Холмс.

– У вас появилась версия? – спросил Грегсон.

– На первый взгляд дело это не кажется очень сложным, хотя и содержит в себе весьма необычные и интересные особенности. Однако, прежде чем дать окончательное и точное

закключение, мне необходимо более внимательно изучить факты. Кстати, мистер Бэйнс, кроме этой записки вы не обнаружили ничего необычного в доме?

Сыщик внимательно посмотрел на моего друга.

– Обнаружил, – сказал он. – Парочку *очень* необычных предметов. Может быть, после того, как я закончу в участке, вы могли бы съездить со мной туда и высказать о них свое мнение?

– Я полностью в вашем распоряжении, – сказал Холмс и дернул шнурок звонка. – Миссис Хадсон, проводите джентльменов и, будьте добры, пошлите мальчика отправить телеграмму. И пусть заплатит пять шиллингов за ответ.

После того как наши посетители ушли, мы какое-то время молчали. Холмс сидел в характерной для него позе, немного подавшись вперед, и, сосредоточенно сдвинув брови, напряженно курил, глядя прямо перед собой.

– Ну что, Ватсон, – неожиданно повернувшись ко мне, спросил он, – какие ваши соображения?

– Я даже не представляю, зачем им понадобилось разыгрывать Скотта-Эклса.

– А что вы скажете о преступлении?

– Ну, если принять во внимание исчезновение спутников этого человека, я думаю, что они имеют какое-то отношение к убийству, поэтому и решили скрыться от правосудия.

– Конечно, это один из возможных вариантов. Но в таком случае вы должны признать, что, если слуги задумали убить хозяина, они поступили довольно странно, выбрав для этого именно ту ночь, когда в их доме остановился гость. Ведь эти двое могли совершить задуманное без свидетелей в любое другое время.

– Тогда почему же скрылись?

– Вот именно, почему они скрылись? Это очень важное обстоятельство. Другое очень важное обстоятельство – то, что произошло с нашим клиентом, Скоттом-Эклсом. Итак, дорогой Ватсон, возможно ли придумать такую гипотезу, которая объяснила бы оба этих чрезвычайно важных обстоятельства? Ну, а уж если бы она к тому же объяснила и загадочную записку с непонятными указаниями, которые в ней содержатся, ее вполне можно было бы принять за рабочую версию. Если новые факты, которые мы раздобудем, тоже впишутся в нее, тогда наша рабочая версия постепенно превратится в решение.

– И у нас уже есть такая версия?

Холмс откинулся на спинку кресла, полужакрыв глаза.

– Согласитесь, мой дорогой Ватсон, что идея о розыгрыше противоречит здравому смыслу. В Вистерия-лодж происходили вещи намного более серьезные, как показало дальнейшее развитие событий, и Скотт-Эклс оказался там именно в это время неспроста.

– Но какая тут связь?

– Давайте рассмотрим события по порядку. Во-первых, странной кажется сама неожиданная дружба молодого испанца и Скотта-Эклса, инициатором которой был первый. Он отправился к Эклсу на другой конец Лондона буквально на следующий день после их первой встречи, похоже, с единственной целью – заманить его в Эшер. Итак, что он хотел от Эклса? Зачем Эклс мог ему понадобиться? Хорошим собеседником этого человека я бы не назвал. Он не особенно умен... Вряд ли смысленный иностранец увидел в нем родственную душу. Почему же Гарсия среди остальных людей, с которыми встречался, остановил свой выбор именно на нем? Есть ли в нем что-либо особенное? Я утверждаю, что есть. Он просто образцовый добропорядочный британец, человек, свидетельским показаниям которого скорее всего поверит другой англичанин. Вы сами видели, что ни один из инспекторов даже не подумал усомниться в правдивости его рассказа, даже несмотря на его необычность.

– Но что же он должен был засвидетельствовать?

– Ничего, как оказалось, но, если бы события развернулись иначе, именно его показания могли бы сыграть решающую роль. Я так представляю себе это дело.

– Понятно, он нужен был для алиби.

– Совершенно верно, дорогой Ватсон. Он нужен был для того, чтобы подтвердить алиби. Давайте предположим, что обитатели Вистерия-лодж – соучастники некоего заговора. Замысел их, какой бы он ни был, предполагалось осуществить, допустим, до часу ночи. Возможно, с помощью какой-нибудь махинации с часами им удалось уложить Скотта-Эклса в постель раньше, чем он думал. В любом случае, вполне вероятно, что, когда Гарсия сказал ему, что уже час ночи, на самом деле было не больше двенадцати. Если бы Гарсии удалось сделать то, что он собирался, и вернуться домой до обозначенного времени, он имел бы прекрасную защиту против обвинений. Заслуживающий всяческого доверия англичанин с безупречной репутацией в любом суде поклялся бы, что обвиняемый все время находился у себя дома. Это ведь стопроцентная страховка против самого худшего.

– Да-да, это понятно. А как объяснить исчезновение слуг?

– Я пока еще не владею всеми уликами, но не думаю, что какие-то обстоятельства заставят нас отказаться от этой версии. И все же большая ошибка – делать выводы, не имея на руках всех фактов. Тот, кто ее допускает, потом начинает, сам того не осознавая, подгонять их под свои теории.

– А что вы скажете насчет записки?

– Как там было? «Цвета – наши: зеленый и белый». Это похоже на описание формы жокея. «Зеленый – открыто, белый – закрыто». Наверняка это сигнал. «Главная лестница, первый коридор, седьмая дверь справа, зеленое сукно». Это приглашение на встречу. Вполне может статься, что за всем этим стоит какой-нибудь ревнивый муж. Несомненно, условленная встреча была сопряжена с некоей опасностью, иначе она не написала бы «Удачи». «Д.» – вот кого нам нужно будет найти.

– Он испанец. Можно предположить, что «Д.» – это Долорес, в Испании это распространенное женское имя.

– Замечательно, Ватсон, просто превосходно... Только очень маловероятно. Испанка писала бы испанцу на испанском. Автор этой записки, без сомнения, англичанка. Нам остается только набраться терпения и ждать, когда наш блистательный инспектор вернется за нами. Пока же мы можем возблагодарить судьбу, которая на несколько коротких часов освободила нас от несносной скуки.

Ответ на телеграмму Холмса пришел до того, как вернулся наш суррейский блюститель порядка. Холмс прочитал телеграмму и хотел уже сунуть в свой бумажник, но заметил мой вопрошающий взгляд. Рассмеявшись, он бросил ее мне.

– Нам предстоит вращаться в высших кругах, – заметил он. В телеграмме содержался список имен с указанием адресов:

«Лорд Харрингби, Дингл; сэр Джордж Фоллиот, Оксшотт-Тауэрс; мистер Хайнс Хайнс, мировой судья, Парди-Плейс; мистер Джеймс Бейкер Вильямс, Фортон-Олд-Холл; мистер Хендерсон, Хай-Гейбл; преподобный Джошуа Стоун, Незер-Волслинг».

– Это самый простой способ сузить поле деятельности, – сказал Холмс. – Не сомневаюсь, что Бэйнс с его методическим складом ума тоже уже разработал какой-нибудь подобный план.

– Я не совсем понимаю.

– Дорогой друг, мы уже пришли к выводу, что записка, которую получил за завтраком Гарсия, – это приглашение на встречу. Если самое очевидное ее прочтение правильно и тому, кому она была адресована, чтобы попасть на эту встречу, нужно подняться по главной лестнице и найти в коридоре седьмую дверь, то совершенно очевидно, что это очень большое здание. Очевидно и то, что оно не может быть расположено более чем в одной-двух

милях от Оксшотта, раз Гарсия шел туда пешком и, по моим расчетам, намеревался успеть вернуться в Вистерия-лодж достаточно рано, чтобы обеспечить себе алиби, которое было действительно только до часа ночи. Понятно, что вокруг Оксшотта таких больших зданий не может быть много, поэтому я и послал запрос в агентство, упомянутое Скоттом-Эклсом, и получил оттуда этот список. Вот они все, в этой телеграмме, и где-то среди них должен скрываться второй кончик нашей запутанной нити.

Было уже почти шесть часов, когда мы вместе с инспектором Бэйнсом оказались в милой суррейской деревушке под названием Эшер.

Сняв вполне уютный номер в местной гостинице «Бык», мы с Холмсом оставили там все вещи, которые прихватили с собой из Лондона для ночевки, и после этого наконец отправились в Вистерия-лодж. Вечер был по-мартовски темным и холодным, дул пронзительный ветер, и косой дождь хлестал нам в лица. Погода была под стать дикому пустырю, через который проходила дорога, и той трагической развязке, к которой она нас вела.

Часть вторая

Тигр из Сан-Педро

Две мили пути по продуваемым унылым местам – и мы вышли к высоким деревянным воротам, за которыми начиналась мрачная каштановая аллея. Извилистая, окутанная тенью подъездная дорожка вывела нас к невысокому темному дому, черным квадратом выделяющемуся на фоне свинцово-серого неба. В окне слева от двери поблескивал слабый свет.

– В доме дежурит констебль, – пояснил Бэйнс. – Сейчас я его позову.

Он прошел по небольшому газону и постучал кулаком в окно. Сквозь мутное стекло я увидел, как со стула у камина вскочил человек, и из комнаты донесся громкий крик. Через какую-то секунду дверь открыл полицейский. Он был мертвенно-бледен и тяжело дышал, в его дрожащей руке была зажата свеча.

– В чем дело, Волтерс? – строго спросил Бэйнс.

Констебль вытер платком лоб и облегченно вздохнул.

– Как я рад, что вы пришли, сэр. Я уж боялся, что не высижу здесь до ночи. Нервы, видно, уже не те.

– Нервы, Волтерс? Не думал я, что у вас есть нервы.

– Ну, понимаете, сэр, дом ведь уединенный, тут так тихо, да еще и эта непонятная штука на кухне. А когда вы в окно постучали, я подумал, это снова он явился.

– Кто он?

– Дьявол, сэр. Клянусь вам, это он подходил к окну.

– Кто подходил? Когда?

– Да часа два назад. Тогда как раз начинало смеркаться. Я сидел себе на стуле и читал. Не знаю, что меня заставило поднять глаза, но я увидел лицо, которое всматривалось в меня через нижнюю фрамугу. Боже, сэр, я это лицо не забуду до конца своей жизни...

– Успокойтесь, Волтерс. Вы же полицейский констебль.

– Я знаю, сэр, знаю, но меня это так пробрало, и видел-то я его своими собственными глазами! Оно не было черным, сэр, и белым, и вообще я такого цвета никогда раньше не видел. Какой-то странный цвет, похожий на глину с молочным оттенком. А размер... Сэр, оно было как два ваших лица разом, не меньше. И еще этот взгляд... Огромные круглые выпученные глаза и зубы, как у голодного зверя. Поверьте, сэр, я не то что пошевелиться – дышать не мог, пока оно не метнулось в сторону и не исчезло. Я тотчас выбежал и даже через кусты перелез, но, слава Богу, никого там уже не было.

– Знай я вас не так хорошо, Волтерс, я бы за это на вашем личном деле поставил знак о неблагонадежности. Если даже это был сам дьявол, констебль не должен благодарить Бога за то, что не сумел его задержать. Я надеюсь, вам все это не померещилось от страха?

– Это как раз очень легко выяснить, – сказал Холмс, зажигая фонарик-контейнер. – Да, – сообщил он после беглого осмотра травы под окном, – обувь, я бы сказал, двенадцатого размера. Если его ступни пропорциональны росту, это должен быть настоящий гигант.

– И чем он тут занимался?

– Очевидно, прошел через кусты и направился в сторону дороги.

– Что ж, – сказал инспектор с хмурым и задумчивым лицом, – кто бы это ни был и чего бы ни хотел, он ушел, а у нас сейчас есть дела более неотложные. Мистер Холмс, если позволите, я проведу вас по дому.

Тщательный осмотр всевозможных спален и гостиных не принес никаких результатов. Похоже, обитатели дома ничего или почти ничего с собой не привезли. Вся мебель, вплоть до мелочей, находилась в этом доме еще до того, как он был взят в аренду. Однако от них осталось большое количество одежды с ярлычками «Маркс и К°, Хай-Холборн»²⁹. С этим Марксом уже связались, и выяснилось, что о своем заказчике он не знает ровным счетом ничего, кроме того, что платил он всегда исправно. Среди обнаруженных вещей последних жильцов дома помимо всякой мелочи оказалось несколько трубок, а также книги (две из них на испанском), старый револьвер и гитара.

– Ничего интересного, – говорил Бэйнс, со свечой в руке обходя комнату за комнатой. – А теперь, мистер Холмс, я хочу обратить ваше внимание на кухню.

Это было темное помещение в глубине дома, с высокими потолками. В одном углу мы увидели соломенную подстилку, которая явно служила постелью для повара. На столе стояли грязные тарелки и недоеденные блюда – остатки вчерашнего ужина.

– Взгляните сюда, – сказал Бэйнс. – Что вы на это скажете?

Он поднял руку со свечой, чтобы осветить необычный предмет, стоявший на одной из полок кухонного шкафа. Сморщенный и сухой настолько, что с первого взгляда почти невозможно было определить, что это. Понятно было только то, что он черный, обтянутый кожей и формой напоминает крошечную человеческую фигурку. Присмотревшись внимательнее, я сначала решил, что это мумия чернокожего младенца, но потом мне показалось, что это какая-то сильно скрючившаяся старая обезьяна. Я так и не смог понять, человек это или животное. Посередине это тело было перевязано двумя нитками с нанизанными белыми ракушками.

– Очень интересно! – произнес Холмс, всматриваясь в эти жуткие мощи. – Что-нибудь еще?

Не говоря ни слова, Бэйнс подошел к раковине и протянул вперед руку со свечой. В раковине лежали конечности и разорванное на куски тело какой-то крупной белой птицы. Холмс указал на отделенную от тела голову с бородкой.

– Белый петух, – сказал он. – Чрезвычайно интересно. Действительно, все это весьма любопытно.

Но мистер Бэйнс приберег самые зловещие экспонаты напоследок. Из-под раковины он выдвинул цинковое ведро, наполненное кровью, потом взял со стола большое блюдо, на котором кучкой были сложены небольшие куски обуглившихся костей.

– Какое-то существо было убито и сожжено. Мы выгребли это из камина. Утром сюда приезжал врач, он говорит, это не человеческие кости.

Холмс улыбнулся и потер руки.

²⁹ Улица в центре Лондона, в районе Холборн.

– Инспектор, я должен поздравить вас с таким незаурядным делом. Ваши силы, не в обиду будь сказано, превосходят ваши возможности.

Глазки инспектора Бэйнса блеснули от удовольствия.

– Вы правы, мистер Холмс, мы у себя в глубинке, можно сказать, скучаем. Дела наподобие этого дают рядовому инспектору возможность проявить себя, и я надеюсь, что не упущу ее. Что вы скажете об этих костях?

– Думаю, это ягненок. Или козленок.

– А белый петух?

– Очень, очень необычный случай, мистер Бэйнс. Я бы даже сказал – уникальный.

– Да, сэр. В этом доме, видно, жили очень странные люди и занимались очень странными вещами. Один из них мертв.

Возможно ли, чтобы его спутники пошли за ним и убили его на дороге? Если это сделали они, им от нас никуда не деться. Все порты уже под наблюдением. Но лично я придерживаюсь другого мнения. Да, сэр, я считаю, что все совсем не так.

– То есть у вас есть своя версия?

– И я намерен сам ее разработать, мистер Холмс. Вы человек известный, а мне еще только предстоит заработать имя. Я был бы рад, если бы потом мог честно сказать, что раскрыл это дело без вашей помощи.

Холмс от души рассмеялся.

– Ну ладно, инспектор! – сказал он. – Вы идите своей дорогой, а я пойду своей. Можете обращаться ко мне в любую минуту, я буду рад поделиться тем, что мне удастся выяснить. Я полагаю, в этом доме я уже увидел все, что хотел, и терять здесь время я не буду. *Au revoir*³⁰ и удачи!

Многочисленные, неразличимые для посторонних глаз, едва уловимые признаки в поведении и внешнем виде Холмса подсказывали мне, что он уже попал на след. Любой человек, не знающий его так хорошо, как я, сказал бы, что он, как всегда, невозмутим и спокоен, но все же блеск в глазах и ускорившиеся движения, выдававшие сдерживаемое нетерпение и даже напряженность, свидетельствовали о том, что игра началась. По своему обыкновению, он ничего не рассказывал, а я по своему – не задавал вопросов. Мне было достаточно того, что я участвую в этой охоте и прилагаю свои скромные усилия для поимки дичи, не мешая напряженной работе этого великого разума. В свое время мне будет открыто все.

Поэтому я приготовился ждать... Однако постепенно, с нарастающим сожалением я начинал понимать, что ожидания мои напрасны. Дни шли, а мой друг не продвинулся вперед ни на шаг. Однажды утром он уехал в город и вернулся только к обеду. Мне лишь случайно стало известно, что ездил он в Британский музей³¹. Если не считать этой экскурсии, он проводил дни в долгих прогулках, часто в одиночестве, или болтал с многочисленными местными сплетниками.

– Ватсон, я уверен, неделя, проведенная в деревне, будет для вас бесценна, – заметил как-то он. – Согласитесь, приятно наблюдать, как на ветках появляются первые зеленые листья, а орешник снова покрывается сережками. Пытливый человек, вооружившись лопатой, жестяной коробкой и простейшим справочником по ботанике, обнаружит здесь немало интересного.

Он и сам с этим снаряжением не раз отправлялся на вылазки, но возвращался вечером с весьма скудным уловом.

³⁰ До свидания (*фр.*).

³¹ Находящийся в Лондоне один из крупнейших музеев мира. Основан в 1753 г., открыт в 1759 г. Содержит обширную библиотеку, куда, по всей видимости, и ездил работать Холмс в поисках необходимой расследованию информации.

Иногда, бродя по окрестностям, мы встречались с инспектором Бэйнсом. Когда он приветствовал моего друга, на его толстом красном лице появлялась улыбка, а глаза начинали блестеть. О том, как продвигается его расследование, сельский детектив почти ничего не говорил, но и из этого малого мы делали вывод, что он тоже не совсем доволен развитием событий. Однако я должен признаться, что был порядком удивлен, когда примерно на пятый день нашего пребывания в Эшере увидел в утренней газете набранный крупными буквами заголовок: «ОКСШОТТСКАЯ ЗАГАДКА РАЗГАДАНА. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ УБИЙЦА АРЕСТОВАН». Когда я прочитал заголовки, Холмс подскочил в кресле, словно его ужалила оса.

– Что? – вскричал он. – Неужели Бэйнс взял его?

– По все видимости, да, – сказал я и прочитал следующее: «Сильное волнение охватило Эшер и его окрестности, когда вчера вечером стало известно об аресте, связанном с оксшоттским убийством. Напомним, что мистер Гарсия, проживавший на вилле Вистерия-лодж, был найден мертвым на Оксшоттском пустыре со следами насилия на теле. Ужасные раны не оставляли сомнения в том, что он был жестоко убит. В ту же ночь слуга и повар мистера Гарсии скрылись, что указывает на их возможную причастность к этому преступлению. Было выдвинуто предположение, которое пока еще не нашло подтверждения, что убитый, возможно, хранил у себя дома ценные вещи и что их похищение и послужило мотивом убийства. Инспектор Бэйнс, которому поручили расследование, направил все силы на то, чтобы установить местонахождение беглецов, и у него были веские причины предполагать, что они не покинули окрестностей Эшера, а отсиживались в каком-нибудь заранее подготовленном убежище. Однако с самого начала не оставалось сомнений, что преступникам не удастся скрыться от правосудия, поскольку повар, согласно показаниям некоторых торговцев, которым случалось мельком видеть этого человека через окна виллы, отличался очень необычной внешностью. Он мулат, огромного роста, с кожей желтоватого цвета и ярко выраженными негроидными чертами очень некрасивого лица. Этого человека видели и после преступления, когда в тот же вечер он совершил дерзкую попытку проникнуть в Вистерия-лодж, где встретился с констеблем Волтерсом и едва не был им задержан. Инспектор Бэйнс, посчитав, что подобный визит наверняка должен был иметь какую-то цель, и, следовательно, может повториться, покинул дом, но оставил засаду на прилегающем к нему участке, поросшем густым кустарником. Вчера вечером подозреваемый угодил в ловушку и был задержан после ожесточенной борьбы, в которой констебль Даунинга сильно пострадал от зубов дикаря. Скорее всего, когда задержанный предстанет перед судом магистратов³², полиция потребует оставить его под стражей для дальнейшего расследования, поскольку с его поимкой связаны большие надежды на раскрытие преступления».

– Нужно немедленно увидеться с Бэйнсом, – воскликнул Холмс, хватая шляпу. – Как раз перехватим его, пока он не ушел.

Пробежав по деревенской улочке, мы, как и предполагали, увидели инспектора, выходящего из дому.

– Еще не читали, мистер Холмс? – спросил он, протягивая нам газету.

– Читал, Бэйнс, читал. Позвольте мне дать вам дружеский совет. Даже, скорее, высказать предостережение.

– Предостережение, мистер Холмс?

– Я довольно серьезно подошел к этому делу, и, видите ли, не вполне уверен, что вы находитесь на правильном пути. Мне бы не хотелось, чтобы вы предпринимали какие-то серьезные шаги, если не будете полностью убеждены, что поступаете правильно.

³² Суд магистратов (граждан, на которых возложена роль мировых судей) – низшая судебная инстанция в Англии, занимающаяся рассмотрением малозначительных уголовных дел.

– Вы очень любезны, мистер Холмс.

– Очень прошу вас прислушаться к моим словам.

Не уверен, но мне показалось, что мистер Бэйнс подмигнул моему другу.

– Мы условились работать независимо, мистер Холмс. Я так и делаю.

– Что ж, очень хорошо, – сказал Холмс. – Прошу меня простить.

– Что вы, сэр, я не сомневаюсь, что вы просто хотите мне помочь. Но ведь у нас всех свои методы, мистер Холмс. У вас свои, у меня свои.

– Все, давайте больше не будем об этом говорить.

– Хорошо, но я всегда готов поделиться с вами новостями. Этот парень настоящий дикарь, сильный, как ломовая лошадь, и свирепый, как черт. Он Даунингу чуть палец не откусил, когда они его брали. По-английски он ни бельмеса не понимает, и мы из него ничего, кроме рычания, выдавить не можем.

– И вы считаете, у вас есть доказательства того, что он убил своего хозяина?

– Я этого не говорил, мистер Холмс. Я этого не говорил. Все мы идем своими дорожками. Вы по своей, а я по своей. Таков был уговор.

Когда мы шли обратно, Холмс пожал плечами.

– Никак не могу понять этого человека. Похоже, он сам себе роет яму. Ну что ж, как он говорит, каждый из нас идет своей дорожкой. Посмотрим, что из этого выйдет. И все же есть что-то в инспекторе Бэйнсе, чего я не могу понять...

– Садитесь, Ватсон, – сказал Шерлок Холмс, когда мы вернулись в наш номер в «Быке». – Я хочу ввести вас в курс дела, поскольку сегодня вечером мне может понадобиться ваша помощь. Позвольте мне изложить вам свое понимание происходящего. По всем признакам это вроде бы очень простое дело, тем не менее, когда дошло до ареста виновных, возникли непредвиденные сложности. Тут еще остались пробелы, которые нам предстоит заполнить. Давайте вернемся к той записке, которую получил Гарсия в день смерти. Версию Бэйнса о том, что к делу причастны его слуги, мы можем смело отодвинуть в сторону. Против нее говорит тот факт, что он *сам* организовал приезд Скотта-Эклса, который был нужен *ему* для обеспечения алиби. Таким образом, выходит, что это Гарсия задумал некое дело, очевидно, преступное, которое должен был осуществить той ночью, когда нашел свою смерть. Я говорю «преступное», потому что только человеку с преступными намерениями может прийти в голову мысль обеспечить себе алиби. Кто же в таком случае мог стать его убийцей? Естественно, тот, против кого и был направлен его преступный замысел. Пока что, как мне кажется, мы стоим на твердой почве.

Теперь мы можем объяснить исчезновение слуг Гарсии. Они *все* были участниками некоего пока нам неизвестного преступного сговора. Если бы об их преступлении узнали после того, как Гарсия вернулся домой, благодаря свидетельству англичанина подозрения бы отпали. Однако план их был опасен, и если бы Гарсия не вернулся до часу ночи, это бы означало, что он поплатился жизнью за свою попытку. Поэтому они условились, что, если это произойдет, оба его помощника должны будут отправиться в заранее подготовленное тайное место, чтобы скрыться от полиции и иметь возможность закончить начатое дело. Это полностью объясняет факты, не так ли?

После объяснений Холмса загадочный клубок распутался прямо у меня на глазах. Мне, как всегда, показалось удивительным, что я сам не додумался до такого очевидного решения.

– Но зачем один из слуг возвращался?

– Мы можем предположить, что, в спешке покидая дом, он забыл там что-то очень ценное, нечто такое, с чем не мог расстаться. Это объясняет его настойчивость, не так ли?

– Хорошо, а что дальше?

– Дальше – записка, которую получил Гарсия во время обеда. Она указывает на то, что у него был еще один сообщник. Где искать другой конец этой ниточки? Я вам уже объ-

яснял, что искать его нужно в каком-то большом доме неподалеку от Вистерия-лодж и что таких домов здесь не так много. Первые несколько дней своего пребывания в этой деревне я посвятил прогулкам по окрестностям, во время которых в промежутках между ботаническими исследованиями я проверил все большие дома и изучил семейные истории их обитателей. И только один дом привлек к себе мое внимание. Это знаменитая старинная, построенная еще во времена короля Якова I ферма Хай-гейбл. Она находится в миле от Окшотта по другую сторону и менее чем в полумиле от места трагедии. Остальные дома принадлежат обычным приличным людям, далеким от какой бы то ни было романтики. Но хозяин Хай-гейбл мистер Хендерсон, по отзывам всех, с кем я разговаривал, человек довольно любопытный, такой, с которым вполне может произойти что-нибудь необычное. Поэтому я и сосредоточил свое внимание на нем и его домашних.

Это исключительно своеобразные люди, Ватсон, и к самому хозяину фермы это относится в самой большой степени. Я встретился с ним под благовидным предлогом, но, как только я заглянул в его темные, глубоко посаженные, проницательные глаза, мне показалось, что он догадался, с какой целью я к нему пожаловал. Ему около пятидесяти, это сильный, подвижный мужчина с пепельно-седыми волосами, большими клочковатыми черными бровями, твердой походкой и царственной осанкой. Вспыльчивый и властный человек. За его пергаментным лицом наверняка скрывается горячий, как огонь, нрав. Он либо иностранец, либо долгое время жил в тропиках – кожа у него желтая и сухая, но сам он крепкий и жилистый. Его друг и секретарь мистер Лукас, без сомнения, иностранец – кожа у него коричневая, как шоколад. Скользкий тип, вежливый и обходительный, но по-кошачьи хитрый и пронырливый. Разговаривает он вкрадчиво, с ядовитой мягкостью в голосе. Как видите, Ватсон, мы имеем две группы иностранцев: одна в Вистерия-лодж, вторая в Хай-гейбл. Так что проблемы начинают заполняться.

Эти двое – близкие друзья и полностью доверяют друг другу, вокруг них крутится вся жизнь в доме. Но живет там еще один человек, который для нас может оказаться даже важнее. У Хендерсона двое детей, дочери одиннадцати и тринадцати лет. Их воспитывает гувернантка мисс Бернет, англичанка лет сорока или около того. Есть еще преданный слуга. Вся эта небольшая компания живет как одна семья, они даже вместе путешествуют, а Хендерсон – большой любитель путешествовать, он никогда не задерживается долго на одном месте. В Хай-гейбл он вернулся всего несколько месяцев назад после того, как год был в разъездах. Могу еще добавить, что он очень богат и легко может удовлетворить любые свои прихоти. Что же касается остальной прислуги, в доме полно разных лакеев, служанок и, как в любом большом английском сельском хозяйстве, целый штат сытых и ленивых дворовых слуг.

Все это я узнал от местных сплетников, что-то увидел и сам. Когда хочешь раздобыть о ком-то информацию, нет лучшего источника, чем уволенный слуга, затаивший обиду на бывшего хозяина, и мне повезло найти такого. Я говорю «повезло», но, если бы я не искал такого человека, я бы с ним никогда не встретился. Как заметил Бэйнс, у всех нас свои методы. Мои методы и помогли мне найти Джона Ворнера, бывшего садовника из Хай-гейбл, которого его властный хозяин уволил в порыве гнева. В ответ он сплотил вокруг себя тех слуг, которые боятся и недолюбливают своего хозяина. Так что у меня появился ключик к тайнам этого дома.

Это очень интересные люди, Ватсон. Я не хочу делать вид, что уже во всем разобрался, но это действительно очень интересные люди. Сам дом имеет два крыла. В одном живут слуги, в другом – семья. Связующим звеном между ними является личный слуга Хендерсона, который подает семье еду. Все приносят к определенной двери, единственной, через которую можно попасть из одного крыла дома в другое. Гувернантка и дети вообще если и выходят из дома, то только для того, чтобы погулять в саду. Хендерсон ни при каких обстоятель-

ствах не выходит из дому один. Его темнокожий секретарь всюду следует за ним, словно тень. Слуги поговаривают, что их хозяин страшно чего-то боится. «Он продал душу дьяволу в обмен на богатство, – говорит Ворнер, – и теперь ждет, когда тот явится забрать свое». Никто не знает, кто они и откуда. Это жестокие люди. Дважды Хендерсон бросался с кнутом на своих слуг, и только тугой кошелек и щедрые отступные спасли его от суда.

Итак, Ватсон, давайте теперь оценим ситуацию на основании всех имеющихся у нас фактов. Мы можем предположить, что записка была послана мистеру Гарсии из этого странного дома и являлась по сути сигналом к началу осуществления некоего задуманного заранее плана. Кто написал эту записку? Человек, живущий внутри этой неприступной крепости, и мы знаем, что это женщина. Ответ напрашивается сам собой. Это мисс Бернет, гувернантка. Все наши рассуждения указывают на нее. Во всяком случае, мы можем принять это за основную версию и рассмотреть, что из этого следует. Я могу добавить, что возраст и личность мисс Бернет исключают мое первоначальное предположение о том, что в деле замешана любовная интрига.

Если записка была написана ею, то, по-видимому, она была другом и соучастником Гарсии. Как она могла поступить, узнав о его смерти? Если он погиб, занимаясь каким-то неблагоприятным делом, она бы не подала виду, но в душе затаила бы досаду и злость, направленную на тех, кто убил его, и, вероятно, сделала бы все, чтобы помочь отомстить за него. Можем ли мы встретиться с ней и попытаться выудить из нее какие-нибудь сведения? Это первое, что пришло мне в голову. Но тут мы сталкиваемся с одним обстоятельством, которое наводит на мрачные подозрения. Ни одна живая душа не видела мисс Бернет с той ночи, когда было совершено убийство. В ту ночь она просто исчезла. Мы не знаем, жива ли она или нашла смерть в ту же ночь, что и ее друг, которого она призывала. А может быть, она просто пленница? Это нам еще предстоит выяснить.

Поймите всю сложность ситуации, Ватсон. Получить ордер на обыск дома мы не можем. Любой представитель закона посчитает наши доводы совершенно необоснованными и нелепыми. Исчезновение женщины не говорит ни о чем, потому что быт в том удивительном доме построен так, что любой из слуг может не показываться хоть неделю, и это не вызовет ни у кого подозрений. И все же вполне возможно, что в эту самую минуту ее жизни угрожает опасность. Все, что могу сделать я, это наблюдать за домом и приставить к нему своего человека, Ворнера. Но и не вмешаться мы тоже не можем. Если закон здесь бессилен, мы вынуждены сами пойти на риск.

– Что вы предлагаете?

– Я знаю, где расположена ее комната. В нее можно попасть с крыши сарая. Я хочу предложить вам сегодня ночью пойти туда и узнать, можем ли мы проникнуть в самое сердце этой загадки.

Должен признаться, мне такое предложение показалось не очень заманчивым. Старый дом, окутанный мраком жуткой тайны, его необычные и страшные обитатели, неведомые опасности, с которыми предстоит встретиться, да и тот факт, что с точки зрения закона мы оказывались в сомнительном положении, – все это вместе сильно охладило мой пыл. Но в уверенном холодном голосе Холмса было что-то такое, что заставляло позабыть о страхе и с готовностью взяться за любое опасное начинание, к которому он призывал. Было ясно, что так и только так могло быть найдено решение. Я молча пожал ему руку, после чего пути назад уже не осталось.

Однако нашему расследованию не суждено было завершиться столь необычным приключением. Было почти пять часов, мартовский вечер начинал постепенно входить в свои права, когда в наш номер ворвался взволнованный местный житель.

– Они уехали, мистер Холмс. Уехали последним поездом. Но леди сбежала от них, она сейчас сидит у меня в кебе, внизу.

– Прекрасно, Ворнер! – вскочив, вскричал Холмс. – Ватсон, пробелы стремительно заполняются!

В кебе сидела женщина, теряющая сознание от нервного истощения. Ее изможденное лицо с заострившимися чертами явно отражало следы недавно пережитой трагедии. Голова ее бессильно склонилась на грудь, но когда она подняла ее и обратила на нас затуманенные глаза, я увидел, что зрачки сузились так, что казались крохотными точками на фоне широких серых радужных оболочек: ее накачали опиумом.

– Я дежурил у ворот, как вы и просили, мистер Холмс, – принялся рассказывать наш эмиссар³³, уволенный садовник. – Когда выехал экипаж, я проследил за ним аж до станции. Леди шла так, будто спала на ходу, но, когда они хотели посадить ее в поезд, вдруг ожила и начала сопротивляться. Им все же удалось затолкать ее в вагон, но, видно, там она вырвалась, потому что снова выскочила на платформу. Ну, тут я ее схватил, усадил в кеб, и вот мы здесь. Никогда не забуду, какое лицо пялилось на меня из окна вагона, когда я ее уволил. Если бы этот жуткий черноглазый желтый дьявол до меня добрался, я бы сейчас с вами не разговаривал.

Мы провели женщину наверх, уложили на диван, и пара чашек очень крепкого кофе вскоре освободили ее мозг от наркотического тумана. Через какое-то время по вызову Холмса явился Бэйнс, и мы вкратце описали ему, что произошло.

– Сэр, вы предоставляете именно те улики, которые мне и нужны, – несколько удивленным тоном произнес он, горячо пожимая руку Холмсу. – Я с самого начала шел по тому же следу, что и вы.

– Что?! Вы тоже вышли на Хендерсона?

– Да, мистер Холмс. Когда вы ползали среди кустов у Хайгейбл, я сидел на дереве в посадке и наблюдал за вами. Вопрос стоял так: кто первым добудет эти улики.

– Зачем же вы арестовали мулату?

Бэйнс рассмеялся.

– Я не сомневался, что Хендерсон, как он себя называет, почувствовал, что попал под подозрение, и поэтому станет вести себя тише воды, ниже травы, пока будет считать, что ему угрожает опасность. Я специально арестовал не того человека, чтобы заставить его думать, будто мы оставили его в покое. Я знал, что, как только это произойдет, он тут же попытается сбежать, тем самым дав нам возможность добраться до мисс Бернет.

Холмс положил руку на плечо инспектора.

– Вы далеко пойдете, – значительно сказал он. – У вас есть чутье и интуиция, а для вашей профессии это очень важные качества.

Бэйнс вспыхнул от удовольствия.

– На станции уже неделю дежурит мой человек в штатском. Куда бы ни направились обитатели Хай-гейбл, он их не упустит. Когда мисс Бернет вырвалась, ему, наверное, трудно было решить, как поступить. Хорошо, что ее перехватил ваш агент и все так удачно закончилось. Без ее показаний мы не сможем их арестовать, это понятно, так что чем раньше мы их получим, тем лучше.

– Она быстро приходит в себя, – сказал Холмс, взглянув на гувернантку. – Но скажите, Бэйнс, что за человек этот Хендерсон?

– Хендерсон, – ответил инспектор, – это дон Мурильо. Когда-то он был известен под именем Тигр из Сан-Педро.

Тигр из Сан-Педро! В один миг мне вспомнилась история этого человека. Он получил известность как самый распутный и кровожадный тиран из всех, которые когда-либо управляли странами, считающими себя достойными называться цивилизованными. Силь-

³³ Здесь: посланник с определенным поручением. От лат. *emis-sarius* – посланный.

ный, бесстрашный и энергичный, он сумел воспользоваться этими добродетельными качествами для того, чтобы добиться власти и на десять-двенадцать лет погрузить свой запуганный народ в пучину страха перед его необузданными пороками. Одно его имя внушало ужас по всей Центральной Америке. В конце концов люди не выдержали, и против него восстала вся страна. Но хитер он был не менее, чем жесток, поэтому, едва почуввав приближение беды, тайно погрузил все свои богатства на борт судна с командой, состоящей из преданных ему людей. На следующий день повстанцы штурмовали пустой дворец. Сам диктатор, его двое детей, секретарь и награбленное богатство покинули страну.

И с того дня он словно исчез с лица земли. Никто не знал, куда подался жестокий диктатор, хотя в европейской прессе то и дело появлялись различные предположения насчет того, где он может скрываться.

– Да, сэр. Дон Мурильо, Тигр из Сан-Педро, – сказал Бэйнс. – Если посмотрите в справочнике, вы увидите, что цвета флага Сан-Педро зеленый и белый, те же, которые упоминаются в записке, мистер Холмс. Я проследил маршрут его переездов. К нам он пожаловал из Парижа, туда переехал из Рима, до этого жил в Мадриде, а до Мадрида – в Барселоне, куда в восемьдесят шестом прибыл на своем судне. Все это время его бывшие соотечественники искали его, чтобы отомстить, и только теперь напали на след.

– Его нашли год назад, – произнесла мисс Бернет, которая теперь сидела ровно и внимательно прислушивалась к разговору. – Один раз на него уже покушались, но какой-то злой дух защитил его. И вот опять. На этот раз погиб благородный Гарсия, а чудовищу удалось сбежать. Но придет следующий, а за ним еще и еще, пока правосудие наконец не свершится, и в этом можно не сомневаться так же, как в том, что завтра снова взойдет солнце.

Ее худые руки сжались, измученное лицо побледнело от ненависти.

– Но каким образом в этом оказались замешаны вы, мисс Бернет? – спросил Холмс. – Зачем обычной англичанке участвовать в этом кровавом деле?

– Я участвую в нем, потому что во всем мире не существует другого способа добиться справедливости. Какое дело английскому правосудию до тех рек крови, которые лились в Сан-Педро несколько лет назад, или до награбленных этим человеком сокровищ, которых хватило, чтобы битком набить целый корабль? Вы воспринимаете эти преступления так, будто они были совершены на какой-то другой планете. Но *мы* думаем иначе. Нам правда стала известна через страдания и муки. Для нас нет злодея страшнее, чем Хуан Мурильо, и мы не будем знать покоя, пока его жертвы будут продолжать взывать к мщению.

– Я не сомневаюсь, что вы говорите правду, – сказал Холмс. – Я много слышал о его жестокости. Но какое это имеет отношение лично к вам?

– Я все расскажу. Власть этого негодяя основывалась на том, что он под тем или иным предлогом убивал всякого, в ком видел возможного соперника. Мой муж – да, мое настоящее имя сеньора Дурандо – мой муж был послом Сан-Педро в Лондоне. Там мы встретились и поженились. На земле не было более благородного мужчины, чем Виктор Дурандо. К несчастью, Мурильо услышал о том, какой это незаурядный человек, под каким-то предлогом вызвал его к себе и расстрелял. Мой муж, предчувствуя свою судьбу, отказался взять меня с собой. Все его имущество было конфисковано, и я оказалась выброшенной на улицу с жалким пособием и разбитым сердцем.

Однако потом тиран пал. Он сбежал из страны, как вы только что рассказали. Но многие из тех, чьи жизни он разрушил, чьи любимые и близкие погибли после страшных пыток от его рук, не смирились. Они объединились в общество, которое просуществует до тех пор, пока начатое дело не будет завершено. Когда в фальшивом Хендерсоне мы опознали павшего деспота, я получила задание внедриться в его окружение и сообщать остальным о его передвижениях. Мне удалось устроиться в его семью гувернанткой. Он даже не догадывался, что женщина, которую он видел каждый раз, когда садился за стол, – это именно та, муж кото-

рой по его приказанию был расстрелян через час после того, как вернулся на родину. Я улыбалась ему, занималась с его детьми и выжидала. Первое покушение произошло в Париже, но оно провалилось. Он начал метаться по всей Европе, чтобы отделаться от преследователей, пока наконец не вернулся в этот дом, который он купил, когда впервые приезжал в Англию.

Но и здесь его ждали посланцы правосудия. Зная, что он вернется сюда, Гарсия, отец которого когда-то занимал один из самых высоких постов в Сан-Педро, дожидался своего часа в скромном убежище вместе с двумя верными помощниками. У всех троих была одна и та же причина ненавидеть этого человека и жаждать мести. Днем он был бессилен, потому что Мурильо был очень осторожен и никогда не выходил из дому без своего верного помощника Лукаса, или Лопеса, как его звали в дни его величия. Однако ночью он спал один, и в это время мститель мог до него добраться. Мурильо все время был настороже и постоянно менял спальни, поэтому в заранее назначенный вечер я послала своему другу указание, в какой комнате его можно будет найти. Мне нужно было проследить, чтобы дверь осталась не заперта, и дать сигнал лампой в окно, которое выходит на ведущую к дому дорожку. Зеленый свет означал, что все тихо, а белый – что попытку лучше отложить.

Но все пошло не так. Лопес, секретарь, почуял что-то неладное. Когда я писала записку, он подкрался ко мне сзади и набросился на меня, как только я закончила. Вместе со своим хозяином они затащили меня в мою комнату и стали судить как предательницу. Они бы, не раздумывая, перерезали мне горло, если бы придумали, как объяснить мое исчезновение. В конце концов они пришли к выводу, что убивать меня слишком опасно, но от Гарсии решили избавиться навсегда. Мне вставили в рот кляп, и Мурильо стал выкручивать мне руку, пока я не назвала им адрес. Клянусь, они могли оторвать мне эту руку, и я все равно ничего не сказала бы им, если бы догадывалась, чем это закончится для Гарсии. Лопес вместо меня дописал адрес на моей записке, запечатал ее своей запонкой и велел одному из слуг, Хосе, отнести ее. Как они его убили, я не знаю, мне известно только, что сделал это сам Мурильо, потому что Лопес остался сторожить меня. Думаю, он спрятался где-нибудь в кустах утесника, через которые проходит тропа, дождался Гарсию и напал на него сзади. Сначала у них была мысль позволить ему пробраться в дом и убить как грабителя, но потом они решили, что, если начнется следствие, их подлинные личности сразу же станут достоянием гласности, и тогда им не миновать новых покушений. Они рассчитывали, что со смертью Гарсии их преследование прекратится, потому что его смерть может отпугнуть остальных.

И все бы у них получилось, если бы я ничего не знала об их преступлении. Я не сомневаюсь, что были такие минуты, когда моя жизнь висела на волоске. Меня держали взаперти в комнате, постоянно угрожали и даже пытали, чтобы сломить волю... Видите этот порез у меня на плече и синяки по всем рукам? Когда я однажды попробовала закричать из окна, мне в рот вставили кляп. Это жестокое заточение длилось пять дней, мне почти не давали есть и пить. Сегодня днем мне наконец принесли нормальную еду, но как только я поела, то сразу поняла, что она отравлена. Что было дальше, я помню с трудом. По-моему, меня не то вывели, не то вынесли из дому и посадили в экипаж, я была в таком же состоянии, когда меня заталкивали в поезд, и только потом, когда колеса уже почти пришли в движение, я вдруг осознала, что моя свобода у меня в руках. Я выпрыгнула из вагона, они попытались меня втащить обратно, и если бы не помощь этого доброго джентльмена, который посадил меня в кеб, мне бы не удалось сбежать. Теперь, слава Богу, я навсегда вырвалась из их рук.

Мы все с огромным вниманием выслушали этот поразительный рассказ. Наступившее молчание нарушил Холмс.

– Не все трудности еще преодолены, – заметил он, покачивая головой. – Полиция выполнит свою работу, но потом дело попадет в руки юристов.

– Совершенно верно, – добавил я. – Любой толковый адвокат может представить все это как самозащиту. У них за плечами могут быть сотни преступлений, но к ответственности их можно привлечь только за последнее.

– Ну-ну, – благодушно произнес Бэйнс, – я так плохо о наших законах не думаю. Самозащита – это одно дело, но хладнокровно устроить на человека ловушку, для того чтобы его убить, – совсем другое. Нет, я думаю, мы все будем удовлетворены, когда обитатели Хайгейбл предстанут перед судом на следующих гилдфордских ассизах³⁴.

И все же, как известно, прошло некоторое время, прежде чем Тигр из Сан-Педро ответил за свои злодеяния. Хитрость и отчаянная смелость помогли ему и его спутнику сбить преследователей со своего следа. На Эдмонтон-стрит они вошли в многоквартирный дом и вышли через задний двор на Керзон-сквер. С того дня в Англии их больше не видели. Спустя примерно шесть месяцев в Мадриде в гостинице «Эскуриал» в своем номере были убиты некие маркиз Монтальва и синьор Рулли, его секретарь. Преступление это приписали нигилистам, но убийц так и не нашли. Инспектор Бэйнс заехал к нам на Бейкер-стрит с газетой, в которой описывалось темное лицо секретаря и властные черты, магнетические черные глаза и кустистые брови его хозяина. Мы не сомневались, что правосудие, хоть и с задержкой, наконец восторжествовало.

– Дело это развивалось довольно сумбурно, дорогой мой Ватсон, – сказал Холмс за вечерней трубкой. – Вряд ли вам удастся изложить его в форме короткого рассказа, которая столь дорога вашему сердцу. Оно охватывает два материка, в нем участвуют две разных группы подозрительных лиц, к тому же его изрядно усложнило и присутствие нашего друга уважаемого Скотта-Эклса, что, впрочем, позволило мне понять, каким изворотливым умом и чрезвычайно развитым инстинктом самосохранения обладал покойный Гарсия. Но удивительно во всем этом, на мой взгляд, что среди настоящего лабиринта возможностей мы, вместе с нашим достойнейшим коллегой, инспектором, ухватились за важнейшее, и это помогло нам пройти по неровной и извилистой дороге к решению загадки. Остались ли у вас какие-нибудь вопросы?

– С какой целью возвращался мулат?

– Я думаю, что это связано с тем странным существом, которое мы обнаружили на кухне. Ведь этот дикарь родом из джунглей Сан-Педро, и это был его фетиш³⁵. Когда он вместе со своим товарищем бежал из виллы в заранее подготовленное место (наверняка в дом кого-то из сообщников), его спутник уговорил его оставить этот бросающийся в глаза предмет, который мог их легко выдать. Однако сердце мулата не выдержало: уже на следующий день он вернулся за ним, но, заглянув в окно, увидел дежурившего на кухне полицейского Волтерса. Через три дня набожность или страх перед высшими силами вновь погнали его в Вистерия-лодж. Инспектор Бэйнс с присущей ему прозорливостью преуменьшил значимость этого происшествия в моих глазах, сам же, хорошо понимая всю важность его, устроил ловушку, в которую и угодило это существо. Еще вопросы, Ватсон?

– Разорванная на куски птица, ведро с кровью, обгоревшие кости. Что за тайну скрывала в себе эта кухня?

Холмс улыбнулся и раскрыл свою записную книжку.

– Я провел целое утро в Британском музее, изучая этот и другие вопросы. Вот выписка из книги Эккермана «Культ вуду³⁶ и негритянские религии»: «Истинный поклонник вуду

³⁴ Гилдфорд – город на юге Англии, в графстве Суррей. Ассизы (от позднелат. *assisae* – заседания) – выездной суд с участием присяжных.

³⁵ Некий предмет, который, по представлениям верующих, наделен сверхъестественной магической силой и служит объектом религиозного поклонения. Фр. *fétiche* от португ. *feitico* – амулет; волшебство.

³⁶ Вераования, распространенные в Южной и Центральной Америке и представляющие собой смесь католических ритуалов и древней африканской магии.

не проводит каких бы то ни было важных ритуалов без принесения жертвы. Делает он это для того, чтобы умиротворить своих загадочных богов. В исключительных случаях этот обряд принимает форму человеческого жертвоприношения и сопровождается каннибализмом³⁷, однако чаще в качестве жертвы используется белый петух, которого заживо разрывают на куски, или черный козел, которому перерезают горло, а потом сжигают». Как видите, наш дикий друг лишь в точности соблюдал правила этого причудливого ритуала. Настоящий гротеск, Ватсон, – добавил Холмс, медленно застегивая записную книжку. – У меня уже был случай заметить, но сейчас я повторю снова: от гротескного до ужасного один шаг.

³⁷ Каннибализм (от фр. *cannibale* – людоед) – поедание человеческого мяса, распространенное у первобытных народов. Религиозный каннибализм был основан на убеждении, что сила и другие свойства убитого переходят к поедающему.

Дело третье

Приключение с планами Брюса-Партиingtonа

В третью неделю ноября тысяча восемьсот девяносто пятого года Лондон заволокло густым желтым туманом. С понедельника по четверг из окон нашей квартиры на Бейкер-стрит почти невозможно было различить силуэты домов напротив. В первый день Холмс разбирался с записями в своем огромном справочнике. Второй и третий день он терпеливо посвящал занятию, которое с недавних пор стало его любимым времяпрепровождением, – изучению средневековой музыки. Но когда в четвертый раз мы, покончив с завтраком, увидели проплывающую за окнами коричневатыми тяжелыми клубами мглу, сгущающуюся на оконных стеклах маслянистыми каплями³⁸, нетерпеливое и деятельное естество моего друга не выдержало этого унылого однообразия. Он стал метаться по гостиной, грызя ногти, барабанил пальцами по мебели и жалуюсь на вынужденное безделье.

– В газетах ничего интересного, Ватсон? – спросил он.

Я знал, что под «интересным» Холмс подразумевал достойные внимания преступления. Газеты писали о революции, об угрозе войны³⁹ и о грядущей смене правительства, но все это не входило в круг интересов моего компаньона. Ничего, что хоть как-то выделялось бы из общего фона обычных каждодневных преступлений, я не нашел. Холмс просто-напросто снова принялся описывать круги по комнате.

– Все-таки лондонский преступник ужасно глуп, – недовольным голосом охотника, вернувшегося домой с пустыми руками, произнес он. – Выгляните в окно, Ватсон. Видите, очертания прохожих лишь на секунду появляются из тумана и тут же снова исчезают. Какой-нибудь вор или убийца в такую погоду мог бы свободно разгуливать по улицам Лондона, как тигр в джунглях, совершенно не опасаясь свидетелей. Все равно никто, кроме жертвы, его не увидит.

– Зарегистрировано множество рядовых краж, – сказал я.

Холмс презрительно фыркнул.

– Эта огромная и мрачная сцена достойна чего-то большего, – заметил он. – О, этому городу повезло, что я не преступник.

– Это точно! – с чувством воскликнул я.

– Если поставить меня на место Брукса, или Вудхауза, или любого из пятидесяти человек, которые имеют причины желать моей смерти, сколько бы мне понадобилось времени, чтобы заманить в ловушку самого себя? Какая-нибудь записка или телеграмма, фальшивая встреча – и все было бы кончено. Хорошо, что в южных странах, где убийство – обычное дело, не бывает таких затяжных туманов... Наконец-то! Хотя что-то развеет тоску, – вскричал Холмс, когда в комнату вошла служанка с телеграммой. Разорвав конверт, он пробежал ее глазами и рассмеялся. – Так, так! Что следующее? – воскликнул он. – Брат Майкрофт собирается навестить к нам.

– А что тут такого?

– Что тут такого? Представьте себе, что на проселочной дороге вы вдруг встретили трамвай. У Майкрофта есть свои рельсы, по которым он и передвигается. Квартира на Пэлл-Мэлл, клуб «Диоген», Уайтхолл – вот его остановки. У меня он был один-единственный раз. Что могло стрястись, чтобы заставить его сойти с рельсов?

³⁸ «Классический лондонский смог возникал оттого, что с туманом соединялся содержащий сернистый газ дым от сжигания большого количества угля в домах и на многочисленных фабриках и заводах» (Чернов С. Бейкер-стрит и окрестности (мир Шерлока Холмса. краткий путеводитель для авторов и читателей). – М.: ФОРУМ, 2007. – С. 47.).

³⁹ Возможно, имеются в виду антибританские вооруженные выступления в Судане.

– А он ничего не объясняет?

Холмс передал мне телеграмму брата. «Нужно встретиться по поводу Кадогена Вэста. Скоро буду. Майкрофт».

– Кадоген Вэст? Знакомое имя.

– Мне оно ни о чем не говорит. Но Майкрофт меня удивил! Это все равно что планета сошла бы с орбиты. К слову сказать, вам известно, что за человек Майкрофт?

Какие-то смутные воспоминания о том, как Холмс рассказывал мне о нем, когда расследовал дело о переводчике с греческого, промелькнули у меня в голове.

– Вы как-то упоминали, что он выполняет незначительную работу для правительства. Холмс негромко засмеялся.

– В те времена я вас знал еще не так хорошо. Приходится быть осторожным, когда дело касается таких высоких материй. Вы правы, он действительно работает на британское правительство. Вы не ошибетесь, если скажете, что иногда он сам в некотором роде выступает в роли британского правительства.

– Холмс!..

– Я знал, что вы удивитесь. Майкрофт зарабатывает четыреста пятьдесят фунтов в год, является работником младшего уровня, напрочь лишен тщеславия, никогда за свою работу не получит ни славы, ни титула и все же является самым незаменимым человеком в стране.

– Как же это может быть?

– То положение, которое он занимает, – единственное в своем роде. И он сам его создал. Ничего подобного не было раньше, и никто не сможет его заменить в будущем. Он наделен в высшей степени четко работающим мозгом, который содержит в исключительном порядке и использует для хранения просто невероятного количества фактов. Ни один человек в мире не может сравниться с ним в этом умении. Те великие силы, которые я направляю на раскрытие преступлений, он использует исключительно для этого. Через него проходят все заключения всех департаментов, он – тот мозговой центр, та расчетная палата, которая следит за общим балансом. Все остальные являются специалистами в своей области, но его специализация – это всеведение. Предположим, министру нужны сведения по какому-нибудь вопросу, касающемуся военно-морского флота, Индии, Канады и хождения золотых и серебряных монет. По каждому из этих пунктов он может получить информацию в отдельном ведомстве, но только Майкрофт может рассмотреть их во взаимосвязи и с ходу сказать, как каждый из этих факторов повлияет на остальные. Поначалу его воспринимали как кратчайший путь к цели, так сказать, удобство, но постепенно он сделал себя центральной фигурой. В его великом мозгу вся информация разложена по полкам и в случае надобности может быть извлечена в доли секунды. Не один раз его слово определяло курс национальной политики. Он живет этим. Он не думает ни о чем другом, кроме тех случаев, когда в качестве разминки и отдыха помогает мне, если я обращаюсь к нему за советом с каким-нибудь из своих дел. Но сегодня Юпитер решил спуститься на землю. Что бы это могло значить? Кто такой этот Кадоген Вэст и какое он имеет отношение к Майкрофту?

– А, вспомнил! – воскликнул я и стал рыться в газетах, сваленных в кучу на диване. – Да, да, сейчас. Вот! Кадоген Вэст – это тот молодой человек, которого нашли мертвым на рельсах подземки во вторник утром.

Холмс напряженно выпрямился, рука, в которой он держал трубку, замерла на полпути ко рту.

– Должно быть, дело серьезное, Ватсон. Смерть, которая заставила моего брата изменить привычкам, не может быть обычной. Но какое, черт возьми, он может иметь к этому отношение? Насколько я помню, это вполне заурядное дело. Молодой человек выпал из поезда и погиб. Он не был ограблен, и каких-либо причин подозревать убийство не было. Разве не так?

– Было проведено дознание, – сказал я. – Всплыло много новых фактов. При более внимательном рассмотрении можно прийти к заключению, что дело это намного интереснее, чем показалось вначале.

– Учитывая, как оно действовало на моего брата, это, похоже, нечто небывалое. – Он поуютнее устроился в кресле. – А теперь, Ватсон, изложите мне факты.

– Молодого человека звали Артур Кадоген Вэст. Двадцати семи лет, не женат, работал в конторе Вулиджского⁴⁰ арсенала.

– Государственный служащий! Намечается связь с братом Майкрофтом.

– В понедельник вечером он неожиданно покинул свое рабочее место. Последним в живых его видела невеста, мисс Виолетта Вэстбери. Было это в семь тридцать вечера, когда он внезапно оставил ее одну в тумане. Они не ссорились, и причин, которые вызвали такое его поведение, она назвать не может. Следующее, что о нем известно, – его труп обнаружил дорожный рабочий по фамилии Мэйсон. Тело лежало у станции «Олдгейт» лондонского метрополитена.

– Когда его обнаружили?

– Во вторник в шесть часов утра. Он лежал, раскинув руки, слева от путей, ведущих в восточную часть города, недалеко от того места, где пути выходят из туннеля. Череп его был разбит, скорее всего, от удара во время падения с поезда. Тело могло попасть туда только таким путем. Чтобы принести его туда с какой-нибудь соседней улицы, пришлось бы пройти через ограждения станции, а там всегда стоит контролер. Этот пункт не вызывает вопросов.

– Очень хорошо. Пока что все достаточно просто. Человек, живой или мертвый, выпал или был сброшен с поезда. Это мне понятно. Продолжайте.

– По тем путям, рядом с которыми было найдено тело, ходят поезда, направляющиеся из западного района в восточный, как городские, так и вилсенские⁴¹ и пригородные. Таким образом, можно утверждать, что молодой человек погиб, когда ночью ехал в том направлении, однако, где он сел на поезд, выяснить невозможно.

– Это можно узнать по его билету.

– Билета при нем не нашли.

– У него не было билета? Черт возьми, действительно очень необычно! Насколько мне известно, попасть на станцию метрополитена без билета невозможно. Надо полагать, у молодого человека все-таки был билет. Может быть, его забрали, чтобы скрыть, с какой станции он ехал? Это возможно. А может, он просто обронил его в вагоне? Тоже допустимо. Но сам факт отсутствия билета весьма любопытен. Если я правильно понимаю, никаких следов ограбления не было.

– Судя по всему, да. Тут есть список найденных при нем вещей. В кошельке у него лежало два фунта и пятнадцать шиллингов. При нем обнаружена чековая книжка Вулиджского отделения «Кэпитал энд каунтис бэнк», по ней и установили его личность. Кроме того, в кармане у него были два билета в бельэтаж Вулиджского театра на тот самый вечер и небольшой пакет с техническими документами.

Холмс издал удовлетворенный взглас:

– Наконец-то, Ватсон! Британское правительство, Вулидж, Арсенал, технические документы, брат Майкрофт. Круг замкнулся. Но, если я не ошибаюсь, вот и он сам. Сейчас он сам все расскажет.

В следующий миг высокая полная фигура Майкрофта Холмса появилась в двери. Он был грузен, даже казался несколько неуклюжим, но над этим массивным телом возвышалось лицо, увенчанное столь высоким лбом, наделенное столь проницательными глубоко

⁴⁰ Вулидж – район на востоке Лондона, где находится Королевский Арсенал.

⁴¹ Вилсен – пригород на северо-востоке Лондона.

посаженными серыми, как сталь, глазами, столь четко очерченными губами и столь скупое на мимику, что с первого взгляда на него ты переставал замечать толстое тело и помнил только о господствующем над ним разуме.

За ним вошел наш старый друг из Скотленд-Ярда инспектор Лестрейд, подтянутый и аскетично-суровый. Озабоченное выражение на лицах обоих предвещало серьезный разговор. Детективы молча пожали руки, Майкрофт Холмс с трудом освободился от пальто и опустился в кресло.

– Ужасно неприятное дело, Шерлок, – сказал он. – Терпеть не могу изменять своим привычкам, но мое начальство и слышать не хочет об отказе. При нынешнем положении дел в Сиаме мне просто необходимо постоянно находиться в своем кабинете. Но положение критическое. Никогда не видел нашего премьер-министра таким подавленным. Морское министерство гудит, словно растревоженный улей. Ты уже ознакомился с делом?

– Да, только что. Что это за технические документы?

– В них-то все и дело! К счастью, никто не придавал им значения, иначе бы в прессе такой шум поднялся! У этого несчастного молодого человека в кармане лежали чертежи подводной лодки Брюса-Партиingtonа.

Серьезность, с которой Майкрофт Холмс произнес эти слова, указывала на то, какую исключительную важность придает он случившемуся. Его брат и я замерли в ожидании объяснений.

– Ты что, ничего об этом не знаешь? Я думал, об этом все знают!

– Я слышал только название.

– Важность этих бумаг невозможно переоценить. Это самая охраняемая из всех правительственных тайн. Поверь моему слову, операция Брюса-Партиingtonа делает невозможным ведение войны на море. Два года назад огромная сумма была негласно проведена через проект бюджета и направлена на покупку монопольного права на это изобретение. Было сделано все, чтобы сохранить высший уровень секретности. Чертежи, которые сами по себе очень сложны и содержат около тридцати различных патентов, а каждый из них обеспечивает работу всей конструкции, хранятся в специальном сейфе в секретном здании, примыкающем к арсеналу с защищенными от взлома дверьми и окнами. Чертежи эти ни под каким предлогом не могли покинуть здание. Если бы главный инженер военно-морского управления захотел свериться по ним, даже ему пришлось бы для этого ехать в Вулидж. И вот эти чертежи находят в кармане мертвого младшего служащего посреди Лондона. С правительственной точки зрения, это просто ужасно.

– Но вы вернули их.

– Нет, Шерлок, нет! В этом-то и дело. Не вернули. Из Вулиджа пропали десять бумаг, а в кармане Кадогена Вэста найдено семь. Три самых важных части пропали... Украдены. Испарились. Шерлок, ты должен отложить все дела. Забудь про все эти мелочные загадки для полицейского суда. Тебе придется распутать важнейшее международное дело. Зачем Кадоген Вэст похитил чертежи, где находятся недостающие бумаги, как он умер, как его тело попало на то место, где его обнаружили, как все исправить? Найди ответ на все эти вопросы, и ты окажешь стране неоценимую помощь.

– Почему ты сам этим не займешься, Майкрофт? У тебя получилось бы не хуже.

– Возможно, Шерлок. Но все дело в поиске улики. Предоставь мне улики и всю собранную тобой информацию по этому делу, и я, не вставая с кресла, выдам тебе заключение эксперта. Но ездить по городу, допрашивать железнодорожных служащих, ползать по земле с лупой – это не моя стихия. Нет, ты единственный, кто может в этом разобраться. Если тебя интересует награда...

Мой друг улыбнулся и покачал головой.

– Меня интересует сама игра, а не выигрыш, – сказал он. – Но дело это действительно довольно любопытно, и я с удовольствием возьмусь за него. Что ты еще можешь рассказать по существу?

– Все самое важное я набросал на этом листе. Плюс некоторые адреса, которые тебе пригодятся. Возьми. Личную ответственность за бумаги несет известный правительственный эксперт сэр Джеймс Волтер. Перечисление всех его титулов и наград в справочнике занимает две строчки. Этот человек поседел на правительственной работе, он джентльмен, вхож в самые высокие дома, и, что самое главное, патриотические чувства его вне подозрений. Он один из двух человек, которые имеют ключ от сейфа. Могу добавить, что в понедельник в рабочее время чертежи еще находились в секретном здании, это установлено точно. Сэр Джеймс уехал в Лондон примерно в три часа, и ключ был при нем. Весь вечер, когда произошел этот инцидент, он провел в доме адмирала Синклера на Барклай-сквер.

– Это проверяли?

– Да, его брат, полковник Валентайн Волтер, подтверждает его отъезд из Вулиджа, а адмирал Синклер – его приезд в Лондон. Так что сэр Джеймс непосредственного отношения к этому делу не имеет.

– У кого находится второй ключ?

– У старшего служащего, конструктора мистера Сиднея Джонсона. Ему сорок лет, женат, имеет пятерых детей. Это немногословный замкнутый человек, с прекрасным послужным списком. Коллеги его недолюбливают, но он превосходный работник. По его показаниям, подтверждающимся только его женой, в понедельник после работы он сразу вернулся домой и провел там весь вечер. Ключ от сейфа все это время висел у него на цепочке от часов.

– Что известно о Кадогене Вэсте?

– На этом месте он проработал десять лет и всегда считался хорошим служащим. Говорят, что он был вспыльчивым и высокомерным, но открытым и честным человеком. У нас против него ничего нет. В кабинете его рабочее место находилось рядом с Сиднеем Джонсоном. По долгу службы он каждый день имел доступ к бумагам. Больше никто не имел права прикасаться к ним.

– Кто в тот вечер запер сейф?

– Мистер Сидней Джонсон, старший служащий.

– Что ж, по-моему, совершенно ясно, кто похитил бумаги. Раз их нашли у этого младшего служащего, Кадогена Вэста, вопросов быть не может, ведь так?

– Так, Шерлок, и все же тут еще нужно во многом разобраться. Во-первых, зачем он их похитил?

– Надо полагать, это очень ценные бумаги?

– За них он легко мог бы получить несколько тысяч.

– Бумаги он вез в Лондон для того, чтобы продать, или могли быть другие причины?

– Неизвестно.

– В таком случае примем эту версию в качестве рабочей. Молодой Вэст похитил документы. Сделать он это мог, только имея дубликат ключа...

– Дубликаты нескольких ключей: от здания и от комнаты.

– Значит, у него были дубликаты нескольких ключей. Он повез чертежи в Лондон, чтобы продать тайную информацию, намереваясь вернуть бумаги в сейф утром, до того как их исчезновение было бы замечено. В Лондоне он и нашел свою смерть.

– Каким образом?

– Возможно, он возвращался в Вулидж, когда его убили и на ходу выбросили из вагона.

– Станция «Олдгейт», рядом с которой обнаружено тело, находится далеко от «Лондон-бридж», на которой он должен был сойти, чтобы попасть в Вулидж.

– Можно представить множество причин, по которым он мог проехать «Лондон-бридж». Например, в вагоне он ехал не один, там завязался важный разговор, который нельзя было прервать. Разговор этот привел к бурной ссоре, в результате которой его и убили. Еще: он попытался выбраться из вагона, но сорвался и разбился насмерть. Его спутник закрыл дверь. Ведь тогда стоял густой туман, и ничего не было видно.

– Пока что лучшего объяснения мы не можем дать. Но все же подумай, Шерлок, сколько обстоятельств ты не учиываешь. Предположим, молодой Кадоген Вэст действительно собирався отвезти бумаги в Лондон. Для этого ему, разумеется, следовало заранее назначить встречу с иностранным агентом и организовать вечер так, чтобы его ничто не стесняло в действиях. Вместо этого он покупает два билета в театр, ведет туда невесту и на полпути неожиданно бросает ее.

– Это уловка, – сказал Лестрейд, который до сих пор чутко прислушивался к разговору.

– Весьма необычная. Это возражение номер один. Возражение номер два: предположим, он приехал в Лондон и встретился с агентом. Чтобы пропажу бумаг не заметили, ему необходимо вернуть их на место до утра. Взял он десять бумаг, но в кармане его найдено лишь семь. Что случилось с остальными тремя? Понятно, что по своей воле он бы с ними не расстался. Кроме того, где же деньги за это предательство? Если бы все так случилось, в кармане у него лежала бы большая сумма денег.

– По-моему, все очевидно, – сказал Лестрейд. – Лично мне совершенно ясно, что произошло в действительности. Он взял бумаги, чтобы продать их. Встретился с агентом. Они не сошлись в цене. Тогда он решил вернуться домой, но агент последовал за ним. В вагоне агент его убивает, берет наиболее важные бумаги и выбрасывает тело из поезда. Такая версия объясняет все известные нам обстоятельства дела, не так ли?

– Почему у него не было билета?

– По билету можно было бы установить, какая станция ближе всего находится к дому агента, поэтому он и вытащил его из кармана убитого.

– Хорошо, Лестрейд, очень хорошо, – кивнул Холмс. – Ваша теория объясняет все факты, но, если она верна, то можно считать, что дело проиграно. С одной стороны, предатель мертв. С другой, чертежи подводной лодки, возможно, уже переправлены на континент. Что нам остается делать?

– Действовать, Шерлок. Действовать! – вскричал Майкрофт и поднялся с кресла. – Чутье подсказывает мне, что это не так. Используй все свои силы! Осмотри место преступления! Опроси всех, кто связан с этим делом! Рой землю! Поверь, за всю твою карьеру ты еще ни разу не был так нужен своей стране.

– Что ж, – пожал плечами Холмс, – тогда собирайтесь, Ватсон! И вы, Лестрейд, не составите нам компанию на часок-другой? Начнем расследование с посещения «Олдгейт-стейшн». До свидания, Майкрофт. До вечера я дам тебе знать, как идут дела, но предупреждаю сразу, на быстрый успех я не надеюсь.

Уже через час Холмс, Лестрейд и я стояли на путях метрополитена рядом со станцией «Олдгейт», в том месте, где они выходят из туннеля. Железнодорожную компанию представлял вежливый краснолицый господин преклонных лет.

– Вот здесь лежало тело этого молодого человека, – сказал он и показал на место в трех футах от рельсов. – Сверху оно упасть не могло, как видите, это все глухие стены, так что, скорее всего, выпало оно из поезда, и поезд этот, как мы подсчитали, должен был проходить здесь в понедельник примерно в полночь.

– Вагоны осмотрели, нашли какие-нибудь следы драки?

– Нет, ничего такого не нашли. Билета тоже не нашли.

– И дверей открытых не было?

– Нет.

– Сегодня утром у нас объявился один свидетель, – сказал Лестрейд. – Мужчина, который на поезде метро проезжал остановку «Олдгейт» в понедельник примерно в одиннадцать сорок, утверждает, что на самом подъезде к станции услышал тяжелый удар, как будто на пути упало тело. Но был такой сильный туман, что рассмотреть ему ничего не удалось. Сразу заявлять об этом он не стал... Но что это с мистером Холмсом?

Мой друг стоял, словно окаменев, и с напряженным вниманием всматривался в железнодорожные колеи в том месте, где они, выходя из туннеля, расходились в стороны. «Олдгейт» является узловой станцией, поэтому перед туннелем здесь много стрелок. На них и был устремлен его пристальный вопросительный взор. Я заметил, что губы на его серьезном сосредоточенном лице крепко сжались, ноздри затрепетали, а тяжелые кустистые брови собрались в одну линию. Как хорошо мне знакомы эти признаки!

– Стрелки... – чуть слышно пробормотал он. – Стрелки...

– Что стрелки? Что вы имеете в виду?

– Наверное, на этой дороге стрелок не так уж много?

– Очень немного.

– И поворот... Стрелки и поворот... Господи, если бы это было действительно так.

– В чем дело, мистер Холмс? Вы нашли какую-то зацепку?

– Так, одна идея... Даже предположение, не больше. Но дело, несомненно, становится все интереснее. Исключительное дело, просто уникальное. Хотя что тут удивительного? На линии я не вижу следов крови.

– А их и не было.

– Но ведь, если я правильно понимаю, у него была большая рана.

– Кость разбита, но наружные покровы почти не повреждены.

– И все же кровотечение должно было быть. Могу ли я осмотреть тот поезд, на котором ехал пассажир, услышавший звук падения?

– Боюсь, что нет, мистер Холмс. Состав уже расформировали, и все вагоны перераспределили.

– Могу вас уверить, мистер Холмс, – сказал Лестрейд, – каждый вагон обследовали самым тщательным образом. Я сам следил за их осмотром.

Одним из самых очевидных недостатков моего друга было то, что он терпеть не мог, когда кто-то не поспевал за ходом его мыслей.

– Очень жаль, – сказал он и отвернулся. – Я, кстати, хотел осмотреть вовсе не вагоны. Ватсон, здесь нам больше делать нечего. Не станем вас больше задерживать, мистер Лестрейд. Я думаю, теперь расследование наше переместится в Вулидж.

На «Лондон-бридж» Холмс отправил брату телеграмму. Прежде чем вручить бланк телеграфисту, он дал прочитать ее мне. Вот что в ней говорилось: *«В темноте забрежил свет, но уверенности пока нет. Пришли, пожалуйста, к нашему возвращению на Бейкер-стрит с посыльным полный список всех известных иностранных агентов, проживающих сейчас в Англии, с точными адресами. Шерлок».*

– Это может нам пригодиться, Ватсон, – заметил он, когда мы сели на поезд до Вулиджа. – Мы действительно в долгу перед Майкрофтом за то, что он дал нам возможность заняться этим делом, которое обещает стать поистине выдающимся.

Его сосредоточенное лицо все еще хранило отпечаток того напряженного выражения, которое дало мне понять, что некие новые красноречивые обстоятельства направили его мысли в новое русло. Если сравнить гончую, которая с висящими ушами и опущенным хвостом ходит по псарне, и ту, которая со сверкающими глазами мчится по горячему следу, будет понятно, какая перемена произошла с Холмсом с утра. Это был уже совсем другой человек, в нем не осталось ничего от той расслабленной праздной фигуры в домашнем халате мышинного цвета, которая всего несколько часов назад мерила шагами окутанную туманом комнату.

– Здесь есть поле для размышлений. Здесь есть размах, – продолжал восторгаться он. – Я оказался настоящим глупцом, не поняв сразу, какие здесь заложены возможности.

– Для меня они даже сейчас не ясны.

– Чем это закончится, мне тоже пока непонятно, но у меня появилась одна мысль, которая может кое-что подсказать нам. Этот молодой человек погиб где-то в другом месте, и его тело приехало туда на крыше одного из вагонов.

– На крыше?

– Удивительно, правда? Но посудите сами. Неужели это всего лишь совпадение, что его нашли на том самом месте, где поезд раскачивается и подпрыгивает, переезжая стыки на стрелках? Если предмет, находящийся на крыше движущегося поезда, может упасть, то это скорее всего произойдет именно в таком месте, не так ли? Если бы он находился внутри вагона, стрелки не оказали бы на него никакого воздействия. Следовательно, либо тело действительно упало с крыши вагона, либо произошло воистину удивительное совпадение. Теперь по поводу крови. Разумеется, на линии не было крови, раз она вытекла из раны в другом месте еще до того, как тело туда попало. Каждый из этих фактов наводит на мысли сам по себе. Вместе они складываются в стройную версию.

– Да-да, и билет! – взволнованно воскликнул я.

– Совершенно верно. Если до сих пор мы не могли объяснить отсутствие билета, то новая версия это объясняет. Все сходится.

– Однако, если это так, мы все равно ни на шаг не приблизились к разгадке тайны его смерти. Более того, ваша версия все только усложняет.

– Возможно, – задумчиво произнес Холмс. – Возможно.

После этого наступило напряженное молчание, которое продолжалось, пока поезд наконец не подполз к станции «Вулидж». Там Холмс взял кеб и вынул из кармана переданный ему Майкрофтом листок.

– Сегодня нам предстоит нанести немало визитов, – сказал он. – Думаю, сэр Джеймс Волтер заслуживает нашего внимания в первую очередь.

Знаменитый государственный деятель жил в прекрасной вилле с большими зелеными газонами, растянувшимися до самой Темзы. Когда мы подходили к дому, туман уже поднимался, и сквозь него начал пробиваться тусклый неуверенный солнечный свет. Дверь нам открыл дворецкий.

– Вы к сэру Джеймсу? – со скорбным видом спросил он. – Сэр Джеймс сегодня утром умер.

– Умер? – потрясенно вскричал Холмс. – Но как это произошло?

– Возможно, вы хотели бы пройти в дом, сэр, и поговорить с его братом, полковником Валентайном?

– Да, конечно.

Нас провели в тускло освещенную гостиную, где к нам сразу вышел очень высокий благообразный господин лет пятидесяти с русой бородой, младший брат покойного ученого. Его бегающие глаза, бледные, покрытые красноватыми пятнами щеки и всклокоченные волосы указывали на то, какая неожиданная беда пришла в этот дом. Слова давались ему с трудом.

– Все этот ужасный скандал, – сказал он. – Мой брат, сэр Джеймс, так дорожил честью. Он просто не вынес всего этого. Его сердце не выдержало. Он всегда так гордился своим отделом, а тут такой удар...

– Мы надеялись, что разговор с ним мог бы помочь нам разобраться в этом деле.

– Уверяю вас, для него все это было такой же загадкой, как для вас и для всех нас. Все, что знал, он рассказал полиции. Разумеется, у него не возникало сомнений, что Кадоген Вэст был виновен. Но все прочее оставалось для него совершенной загадкой.

– И вы не сообщите нам ничего нового, что может иметь отношение к этому делу?

– Мне ничего не известно. О том, что происходит, я узнаю из газет или слухов. Не хочу показаться невежливым, но вы же понимаете, мистер Холмс, что в эту минуту все мы слишком потрясены, поэтому я прошу вас поскорее закончить этот разговор.

– Вот уж действительно неожиданный поворот событий, – сказал мой друг, когда мы снова сели в кеб. – Хотелось бы мне знать, умер этот бедняга своей смертью или наложил на себя руки. Если второе, то не стоит ли его поступок понимать как некое наказание самого себя за невыполнение долга? Оставим этот вопрос на будущее, а пока займемся Кадогеном Вэстом.

В маленьком, но ухоженном пригородном домике нас встретила потерявшая сына мать. Женщина была слишком подавлена горем, чтобы хоть чем-то помочь нам, но рядом с ней находилась юная леди с бледным лицом, которая представилась как мисс Виолетта Вэстбери, невеста покойного. Именно она последней видела его в ту судьбоносную ночь.

– Я не могу этого объяснить, мистер Холмс, – сказала она. – После того как произошла эта беда, я не сомкнула глаз. Все думала, думала, думала, днем и ночью пыталась понять, что на самом деле все это значит. Артур – человек решительный и благородный. И патриотизм для него не был пустым словом, поверьте мне. Он бы скорее дал отрезать себе правую руку, чем продал бы государственную тайну, которую ему доверили. Любой, кто его знал, скажет вам, что подозревать его в измене абсурдно, нелепо, дико.

– Но факты, мисс Вэстбери?

– Да, да, признаюсь, я не могу объяснить их.

– На нехватку денег он никогда не жаловался?

– Нет. Потребности у него были скромные, а жалованье приличное. Он даже скопил несколько сотен, и мы собирались пожениться под новый год.

– Вы не замечали, чтобы он в последнее время волновался? Прошу вас, мисс Вэстбери, будьте с нами совершенно откровенны.

Цепкий взгляд моего друга сразу заметил какую-то перемену в ее лице. Она слегка покраснела и в нерешительности опустила глаза.

– Да, – призналась наконец она. – У меня возникло ощущение, что его что-то тревожит.

– Вы давно это почувствовали?

– Нет, всего неделю назад или около того. Он стал какой-то задумчивый, нервный. Один раз я спросила его об этом напрямик, и Кадоген признался, что он действительно обеспокоен, и это связано с его работой. «Это слишком серьезные вещи, чтобы рассказывать о них, даже тебе», – сказал он. Больше я от него ничего не добилась.

Холмс помрачнел.

– Продолжайте, мисс Вэстбери. Даже если считаете, что сказанное вами может быть истолковано не в его пользу, продолжайте. Мы не можем знать, к чему это приведет.

– Но мне, правда, нечего больше добавить. Раз или два мне казалось, что он хотел мне в чем-то признаться, но так и не решился. Однажды вечером он заговорил со мной о важности этой тайны, и я даже помню, как он сказал, что иностранные шпионы заплатили бы за нее огромные деньги.

Лицо Холмса стало еще мрачнее.

– Что-нибудь еще?

– Он говорил, что у нас об этом никто не заботится и что предателю не составило бы никакого труда завладеть чертежами.

– Такие замечания он делал только в последнее время или говорил об этом и раньше?

– Только в последнее время.

– Хорошо. Расскажите нам о том, последнем вечере.

– Мы собирались в театр. Туман стоял такой густой, что мы решили не дожидаться кеба и пойти пешком. По дороге, когда мы проходили мимо его конторы, он вдруг бросился в сторону и скрылся в тумане.

– Не сказав ни слова?

– Он только что-то крикнул. Я подождала, но он не вернулся. Тогда я пошла домой. На следующее утро, когда контора открылась, ко мне пришли узнать, где он. Около двенадцати до нас дошла страшная весть. О мистер Холмс, если бы вы смогли защитить его честь! Для него это так много значило!

Холмс с грустью покачал головой.

– Пойдемте, Ватсон, – сказал он. – Искать нужно в другом месте. Наша следующая остановка – контора, из которой были похищены бумаги... До сих пор главным подозреваемым был этот молодой человек, и, чем больше мы узнаем, тем плотнее сгущаются над ним тучи, – заметил он, когда кеб тронулся с места. – Его приближающаяся свадьба могла стать мотивом для преступления. Разумеется, ему нужны были деньги. И он о чем-то таком думал, раз говорил на эту тему. Если бы он все-таки рассказал этой девушке о своих планах, он бы сделал ее соучастницей предательства. Все это очень плохо.

– Но, Холмс, нельзя забывать о его характере. Неужели ему вдруг так сильно захотелось совершить это преступление, что он бросил девушку одну в тумане посреди улицы?

– Верно, есть и такое, что заставляет сомневаться в его виновности, но улики, говорящих против него, гораздо больше.

Мистер Сидней Джонсон, старший служащий, встретил нас в конторе с тем почтением, которое неизменно вызывало имя моего друга на визитной карточке. Это был худой мужчина средних лет с хмурым лицом, впалыми щеками, в очках. Руки его подергивались от нервного напряжения.

– Творится что-то ужасное, мистер Холмс! Вы уже слышали о смерти нашего главного?

– Мы только что из его дома.

– Работа дезорганизована. Начальник мертв, Кадоген Вэст мертв, чертежи похищены. А ведь еще в понедельник вечером, закрываясь, мы были образцовым государственным учреждением. Господи, уму непостижимо! Кто бы мог подумать, что этот Вэст способен на такое!

– Значит, вы не сомневаетесь в том, что это его рук дело?

– Другого объяснения тому, что произошло, я не вижу. Хотя я ему доверял, как самому себе.

– Во сколько контора закрылась в понедельник?

– В пять.

– Вы закрывали двери?

– Да, я всегда выхожу последним.

– Где находились чертежи?

– В этом сейфе. Я сам их туда положил.

– Здание не охраняется?

– Есть дежурный, но ему нужно следить и за другими отделами. Это бывший военный, абсолютно надежный человек. В тот вечер он ничего не заметил, да и что удивляться, туман-то какой был.

– Если предположить, что Кадоген Вэст проник в здание после закрытия, чтобы добраться до бумаг, ему потребовались бы три разных ключа, верно?

– Да. Ключ от входной двери здания, ключ от комнаты и ключ от сейфа.

– Только у вас и у сэра Джеймса Волтера были эти ключи?

– Ключей от дверей у меня нет... Только от сейфа.

– Сэр Джеймс Волтер был постоянен в своих привычках?

– Думаю, да. Что касается этих ключей, он их все три держал на одном кольце. Я их часто у него видел.

– И кольцо это поехало с ним в Лондон?

– Так он говорил.

– А свой ключ вы постоянно носите при себе?

– Конечно.

– В таком случае, Вэст, если преступником является он, должен был иметь дубликат. Хотя у него в карманах его не нашли. Еще вопрос: если кто-либо из служащих конторы захотел бы продать эти чертежи, не проще ему было скопировать их, а не похищать оригиналы, как это было сделано?

– Чтобы разобраться в бумагах и скопировать их, нужны глубокие технические знания.

– Я полагаю, и у сэра Джеймса, и у вас такие технические знания есть?

– Разумеется, но только я прошу вас не впутывать меня в это дело, мистер Холмс. Какой в этом смысл, если бумаги найдены у Вэста?

– Все-таки довольно странно, что он пошел на риск и похитил оригиналы, если ему достаточно было сделать с них копии. Ведь это намного безопаснее.

– Странно, несомненно... И все же он сделал это.

– Все это дело словно соткано из сплошных загадок. Пока не найденными остаются три листа. Насколько я понимаю, это самые важные чертежи.

– Да.

– Значит ли это, что тот, у кого в руках находятся эти три бумаги, не имея остальных семи, сможет сконструировать подводную лодку Брюса-Партингтона?

– Об этом я уже сообщил в морское министерство, но сегодня, еще раз изучив чертежи, я начал сомневаться, что это возможно. Среди тех бумаг, которые вернулись, имеются чертежи двойных клапанов с автоматическими саморегулирующимися гнездами. До тех пор, пока иностранцы сами не изобретут нечто подобное, лодку им не построить. Но, конечно же, это не займет у них много времени.

– Так, значит, три исчезнувших чертежа самые важные?

– Несомненно.

– Хорошо. Я задал все вопросы, которые хотел, и теперь, с вашего позволения, осмотрю помещение.

Холмс тщательно изучил замок сейфа, дверь в комнату и, наконец, железные ставни на окнах. Но только когда мы вышли на газон перед зданием, он обнаружил нечто такое, что привлекло его внимание. Под окном рос лавровый куст, и несколько веток на нем были надломаны или согнуты. Холмс внимательно осмотрел их с помощью лупы, а потом изучил какие-то едва заметные пятна на земле под ними. После этого он попросил главного служащего закрыть железные ставни и указал мне на то, что между ними остался небольшой зазор, поэтому с улицы можно было наблюдать за тем, что происходит внутри.

– Прошло три дня, поэтому уже трудно точно определить, что означают эти следы. Они могут значить что-то важное или вовсе не иметь никакого отношения к делу. Что ж, Ватсон, я думаю в Вулидже нам больше делать нечего. Улов небольшой, теперь посмотрим, может быть, в Лондоне нам повезет больше.

Но прежде, чем мы покинули Вулидж, к своему улову нам удалось добавить еще одну рыбину. Кассир на железнодорожной станции сообщил, что в понедельник вечером видел на станции Кадогена Вэста, с которым был хорошо знаком. Он взял билет третьего класса до «Лондон-бридж» на поезд в 8:15. Ехал он один. Кассира тогда очень удивило возбужденное состояние его знакомого. Он так нервничал, что его трясло, он даже не смог сам собрать сдачу, и кассиру пришлось ему помочь. Сверившись с расписанием движения поез-

дов, мы выяснили, что поезд в 8:15 был первым поездом, на который Вэст мог успеть после того, как расстался со своей невестой примерно в 7:30.

– Ватсон, давайте попробуем восстановить ход событий, – сказал Холмс после почти получасового молчания. – Я не уверен, что нам с вами когда-либо доводилось распутывать более сложное дело. С каждым шагом натыкаешься на все новые подводные камни. И все-таки мы уже значительно продвинулись вперед. По большому счету, все, что мы узнали в Вулидже, свидетельствует не в пользу юного Кадогена Вэста, однако следы под окном могут указывать на обратное. Предположим, что к нему обратился кто-то из иностранных агентов. Возможно, Вэст был связан такими клятвами, которые лишили его возможности рассказать об этом кому бы то ни было, но его мысли повернулись в том направлении, которое описывала нам его невеста. Прекрасно. Теперь предположим, что, направляясь в театр с юной леди, он внезапно в тумане замечает того самого агента, который устремился в сторону его конторы. Поскольку Кадоген – человек горячий, привыкший быстро принимать решения, он двинулся за воров. Это предположение дает нам ответ на вопрос, почему были похищены оригиналы, а не сделаны копии. Человек посторонний не успел бы за короткое время скопировать чертежи, поэтому и взял оригиналы. Пока все сходится.

– Что дальше?

– А дальше начинаются сложности. Как в подобной ситуации поступил юный Кадоген Вэст? Казалось бы, первым делом он должен был схватить негодяя и поднять тревогу. Почему он этого не сделал? Может быть, бумаги взял его высокопоставленный начальник? Это объяснило бы поведение Вэста. Или же вору удалось ускользнуть от него в тумане, и Вэст, не теряя времени, сразу поехал в Лондон, чтобы перехватить мерзавца у него дома, при условии, конечно, что ему было известно, где этот дом находится? Ясно только, раз он оставил свою девушку одну на улице и не вернулся к ней, времени на раздумья у него не было. Тут наш след теряется, и следующее, что нам известно о Кадогене Вэсте, – это то, что его тело с семью бумагами в кармане каким-то образом попадает на крышу вагона. Инстинкт мой подсказывает мне, что теперь нужно браться за другой конец веревочки. Если Майкрофт прислал список адресов, нам, возможно, удастся вычислить интересующего нас человека, и тогда мы сможем идти не по одному, а сразу по двум следам.

Разумеется, на Бейкер-стрит нас уже ждала записка, доставленная специальным правительственным курьером. Холмс взглянул на нее и передал мне:

«Мелких рыбешек полно, но за такое большое дело могли взяться немногие. Внимания заслуживают только Адольф Мейер (Грейт-Джордж-стрит, 13, Вестминстер), Луи Ля Ротьер (Кэмден-Мэншенз, Ноттинг-Хилл) и Гуго Оберштейн (Колфилд-Гарденс, 13, Кенсингтон). О последнем известно, что в понедельник он был в городе, но сейчас уехал. Рад, что у тебя появилась надежда. В правительстве ждут твоего заключительного доклада с величайшей тревогой. Срочных действий потребовали на самом верху. Если понадобится помощь, в твоём распоряжении вся мощь страны. Майкрофт».

– Боюсь, – с улыбкой покачал головой Холмс, – что ни вся королевская конница, ни вся королевская рать⁴² не смогут помочь в этом деле. – Он расстелил на столе свою подробную карту Лондона и с сосредоточенным видом склонился над ней. – Так-так! – через какое-то время удовлетворенно воскликнул он. – Похоже, наконец-то обстоятельства начинают складываться в нашу пользу. Знаете, Ватсон, теперь я даже уверен, что мы все же распутаем этот клубок! – Его охватила такая радость, что он хлопнул меня по плечу. – Я ухожу. Всего лишь на разведку. Не чувствуя рядом плечо своего верного друга и биографа, ничего серьезного я бы не стал предпринимать. Оставайтесь пока дома, я, скорее всего, вернусь через час-два.

⁴² Строка из английской детской песенки.

Если вам станет скучно, берите лист бумаги и перо и приступайте к описанию того, как мы с вами спасли страну.

Его веселость в какой-то степени передалась и мне, потому что я хорошо знал, что только очень веские причины могли заставить моего друга изменить своим обычным сдержанным манерам и до такой степени поднять его настроение. Весь долгий ноябрьский вечер я с нетерпением ждал его возвращения. Наконец в самом начале десятого посыльный принес от него записку: *«Обедаю в ресторане Гольдини на Глостер-роуд. Жду вас. Пожалуйста, не задерживайтесь и захватите фомку, фонарик, стамеску и револьвер»*.

Ничего не скажешь, хороший набор для добропорядочного джентльмена, решившего прогуляться вечерними улочками окутанного туманом города. Я аккуратно разложил инструменты по карманам пальто и отправился напрямик по указанному адресу. Холмс сидел за небольшим круглым столиком у входа в этот ярко освещенный итальянский ресторан.

— Вы успели поесть перед выходом? Тогда выпейте со мной кофе с кюрасо. Здесь угощают сигарами, попробуйте, они не так отвратительны, как можно было бы ожидать. Принесли то, что я просил?

— Все здесь, у меня в пальто.

— Превосходно. Позвольте, я кратко опишу вам, чем занимался в это время и для чего мне нужна ваша помощь. Итак, мы знаем, что тело молодого человека *положили* на крышу поезда. Это стало понятно после того, как я установил, что он не выпал из вагона, а упал с крыши.

— А что, если его сбросили с какого-нибудь моста?

— Это исключено. Если вы внимательно осмотрите крыши вагонов, то увидите, что они немного закруглены и не имеют ограждения. Так что мы можем уверенно заявить: тело Кадогена Вэста туда положили.

— Как же его туда затащили?

— Вот этот вопрос и не давал мне покоя. Есть только один способ это сделать. Вы знаете, что в Вест-Энде в некоторых местах подземка выходит из туннеля. Я припоминаю, что, когда мне как-то раз довелось проехать на метро, я видел прямо у себя над головой окна домов. Далее, предположим, что поезд остановился под одним из таких окон. Трудно будет переложить из него тело на крышу вагона?

— По-моему, это совершенно неправдоподобно.

— Тут нужно вспомнить старую аксиому: когда все остальные версии отпадают, та, что остается, и является истинной, какой бы невероятной она ни казалась. В данном случае все остальные версии отпали. Обнаружив, что крупный иностранный шпион, который только что покинул Лондон, жил на улице, дома которой примыкают к линии подземки, я так обрадовался, что даже несколько удивил вас своей неожиданной веселостью.

— А, так вот в чем дело!

— Да, именно в этом. Внимание мое привлек мистер Гуго Оберштейн, проживавший по адресу Колфилд-Гарденс, 13, Кенсингтон. Первым делом я отправился на станцию «Глостерроуд», где очень любезный представитель метрополитена прошелся со мной по путям, и с его помощью я не только выяснил, что окна черной лестницы дома на Колфилд-Гарденс выходят прямо на линию, но и получил гораздо более важную информацию о том, что из-за пересечения с другой более крупной железнодорожной веткой именно в этом месте поезда метро часто останавливаются на несколько минут.

— Изумительно, Холмс! Поздравляю вас!

— Не спешите, Ватсон. Это большой шаг вперед, но до окончания дела еще очень далеко. Далее, посмотревшись на задворки Колфилд-Гарденс, я отправился обследовать

фасад и убедился, что птичка действительно упорхнула из гнездышка. Это дом внушительных размеров, верхние комнаты в нем, насколько я могу судить, не меблированы. Оберштейн жил там с единственным слугой, который, скорее всего, был его сообщником. Нельзя забывать, что Оберштейн уехал на континент, чтобы сбыть с рук добычу. Это вовсе не побег, потому что у него не было причин опасаться обыска у себя дома. Думаю, что мысль о том, что к нему влезут обычные домушники, ему и вовсе не приходила в голову. А это как раз то, чем мы с вами займемся.

– А что, нельзя получить ордер и сделать все официально?

– При таких уликах – вряд ли.

– И что нам это даст?

– Если повезет, найдем какие-нибудь его письма.

– Холмс, мне это не нравится.

– Дорогой друг, вы останетесь на улице и будете караулить. Всю «преступную» часть я беру на себя. Не время сейчас думать о мелочах. Вспомните записку Майкрофта, морское министерство, правительство, ту персону, которая ожидает новостей. Мы обязаны пойти на такой шаг.

В ответ я решительно поднялся из-за стола.

– Вы правы, Холмс. Мы обязаны сделать это.

Он вскочил и крепко пожал мне руку.

– Я знал, что могу на вас положиться, – сказал мой друг, и мне на секунду почудилось, что его глаза засветились каким-то добрым светом, которого я никогда раньше не замечал. Но в следующий миг к нему вернулись его обычное деловитое спокойствие и самоуверенность. – Его дом почти в полумиле отсюда, но время у нас есть, поэтому давайте прогуляемся, – сказал он. – Только, умоляю вас, не уроните инструменты. Если вы вызовете подозрение и вас арестуют, это станет крайне неприятным осложнением.

Колфилд-Гарденс была одной из тех улочек, образованных домами с украшенными колоннами фасадами и портиками, которые столь характерны для лондонского Вест-Энда застройки середины Викторианской эпохи. В соседнем с тринадцатым доме, похоже, проходил какой-то детский праздник: ночную тишину нарушал доносящийся из него приглушенный шум веселых юных голосов и бречание фортепиано. Туман все еще не рассеялся, его гостеприимные объятия позволяли нам оставаться незамеченными. Холмс зажег свой фонарик и направил его на массивную дверь.

– Это серьезно, – сказал он. – Наверное, закрыто не только на замок, но и на задвижку. Лучше попробовать через подвал, чтобы нас не заметил какой-нибудь рьяный патрульный. Вон там есть спуск. Помогите-ка, Ватсон, потом я вам помогу.

Через минуту оба мы уже стояли у входа в подвал, и как только мы спустились к темной двери, в тумане над нашими головами послышался стук шагов полицейского. Когда шаги стихли, Холмс приступил к работе. Я разглядел, как он немного наклонился и с силой налег на дверь. В следующий миг, издав громкий треск, дверь распахнулась, и мы нырнули в открывшийся темный коридор. Закрыв дверь, Холмс устремился вверх по голым ступеням изогнутой лестницы. Тонкий желтый луч его фонарика упал на низкое окно.

– Мы на месте... Кажется, это оно. – Холмс распахнул окно, и как только он это сделал, мы услышали быстро нарастающий шум, который превратился в оглушительный грохот, когда прямо под окном в темноте замелькали вагоны поезда. Холмс посветил на подоконник, густо покрытый черной жирной копотью. В некоторых местах она была смазана. – Видите, здесь они положили тело. Смотрите-ка, Ватсон! А это что такое? Похоже, кровь. – Он указал на небольшое пятнышко на деревянной раме окна. – Вот и на каменной ступени тоже.

Доказательства налицо. Давайте теперьждемся, пока поезд остановится под окном.

Ждать пришлось недолго. Следующий же поезд выехал из туннеля с таким же грохотом, но стал сбавлять ход, пока, закрипев тормозами, не остановился прямо под нами. От края подоконника до крыш вагонов было не больше четырех футов. Холмс аккуратно закрыл окно.

– Пока наша версия подтверждается, – произнес он. – Что вы об этом думаете, Ватсон?

– Холмс, это шедевр! До таких высот вы еще не поднимались.

– Тут я с вами не согласен. С той секунды, когда мне в голову пришла мысль о теле на крыше вагона (не Бог весть какая догадка!), все остальное уже было очевидно. Если бы не серьезные интересы, которые затрагивает это дело, оно было бы вполне заурядным. Сложности нам только предстоят. Возможно, здесь мы найдем что-нибудь такое, что поможет нам.

Мы поднялись по кухонной лестнице на второй этаж, где были расположены несколько комнат. В первой, аскетически обставленной столовой, мы долго задерживаться не стали. Вторая, спальня, тоже не заинтересовала моего друга. Но последняя комната показалась ему более достойной внимания, и он приступил к кропотливому обыску. Здесь повсюду громоздились книги и газеты: скорее всего, эта комната служила кабинетом. Быстро и методично Холмс просматривал содержимое ящиков столов и шкафов, но напряженное лицо его ни разу не озарилось радостной улыбкой. Час работы не принес никаких результатов.

– Хитрый лис, он хорошо спрятал следы, – с досадой в голосе произнес он. – Не оставил никаких улик. Переписку свою он либо уничтожил, либо перевез в какое-то другое место. Это наш последний шанс.

Холмс указал на небольшой жестяной ящичек на письменном столе. Когда, поддев крышку стамеской, он его вскрыл, мы увидели внутри несколько бумажных свитков, испещренных цифрами и расчетами. Озаглавлены эти документы не были, только повторяющиеся в нескольких местах слова «давление воды» и «давление на квадратный дюйм» указывали на возможную связь с подводными лодками. Холмс нетерпеливо отложил их в сторону. На дне ящичка остался лишь конверт с несколькими небольшими газетными вырезками. Он высыпал их на стол, и по его загоревшимся глазам я понял, что к нему вернулась надежда.

– Что это, Ватсон? А? Что это? Тайная переписка через газету. Из колонки частных объявлений в «Дейли телеграф», судя по шрифту и бумаге. Вырезано из правого верхнего угла страницы. Дат нет... но они сложены по порядку. Вот это, должно быть, первая:

«Надеялся получить ответ раньше. Условия приняты. Пишите на адрес, указанный на карточке. Пьерро».

Следующая:

«Слишком сложно для описания. Нужен полный доклад. Оплата после получения товара. Пьерро».

Затем:

«Времени ждать нет. Заказ снимается, если договор не будет выполнен. Время встречи укажите в письме. Подтверждение дам в объявлении. Пьерро».

И наконец:

«В понедельник вечером после девяти. Стучать дважды. Без посторонних. Не будьте столь подозрительны. Оплата наличными по получении товара. Пьерро».

– Почти полный отчет, Ватсон! Если бы только нам удалось добраться до человека с другой стороны!

Он сел за стол и задумался, барабанив пальцами по столешнице. Потом снова вскочил.

– А ведь это может оказаться не так уж сложно. Здесь нам больше делать нечего, Ватсон. Думаю, теперь нам осталось съездить в редакцию «Дейли телеграф», и на этом рабочий день наш закончится.

Майкрофт Холмс и Лестрейд, как и было условлено, явились на следующий день после обеда. Шерлок Холмс подробно рассказал им о том, чем мы занимались вчера. Инспектор

Скотленд-Ярда, услышав о нашем незаконном проникновении в дом на Колфилд-Гарденс, покачал головой.

– У нас в полиции такие штучки не заведены, мистер Холмс, – сказал он. – Неудивительно, что вы добиваетесь лучших результатов, чем мы. Только однажды вы зайдете слишком далеко, и тогда у вас с вашим другом возникнут большие неприятности.

– «За Англию, за дом родной и за красу»⁴³, да, Ватсон? Мы готовы принести себя в жертву интересам родины. Что скажешь ты, Майкрофт?

– Превосходно, Шерлок! Прекрасная работа. Но что это тебе дало?

Холмс взял «Дейли телеграф», которая лежала перед ним на столе.

– Вы видели объявление «Пьерро» в сегодняшнем номере?

– Как? Еще одно?

– Да. Послушайте: «Сегодня вечером. В то же время, на том же месте. Стучать дважды. Дело чрезвычайной важности. Касается вашей безопасности. Пьерро».

– Черт побери, – вскричал Лестрейд, – если он отзовется, мы возьмем голубчика!

– На это я и надеялся, когда давал объявление. Думаю, если вам двоим будет удобно сегодня около восьми вечера отправиться с нами на Колфилд-Гарденс, мы сможем приблизиться к решению этой загадки.

Одной из самых удивительных особенностей Шерлока Холмса была его способность полностью забывать о делах и переключать свои мысли на совершенно посторонние темы, когда видел, что у него нет возможности продолжать работу с пользой для дела. Я помню, что в тот памятный день он занялся своей монографией о полифонических мотетах ди Лассо⁴⁴. Я подобным умением отрешаться наделен не был, поэтому мне тот день показался невыносимо долгим. Чем больше я думал об огромном политическом значении дела, о напряженном беспокойстве в высших кругах, о необычности того, что мы затеяли, тем сильнее становилось охватившее меня волнение. Поэтому мне стало намного легче, когда после легкого обеда мы наконец вышли из дома. Как и договаривались, Лестрейд и Майкрофт ждали нас у станции «Глостер-роуд». Дверь в подвал дома Оберштейна со вчерашнего вечера оставалась открытой, и мне, поскольку Майкрофт Холмс с негодованием отверг предложение перелезть через ограду, пришлось снова пройти темным подвалом, чтобы открыть парадную дверь. В девять вечера мы уже сидели в кабинете и терпеливо дожидались нашего гостя.

Прошел час, потом еще один. Когда часы на большой церкви неподалеку пробили одиннадцать, их спокойный мерный бой прозвучал реквиемом по всем нашим надеждам. Лестрейд и Майкрофт уже давно ерзали на своих местах, каждые полминуты поглядывая на часы. Холмс сидел молча и неподвижно, с полузакрытыми глазами, хотя было видно, что все чувства его напряжены до предела. Внезапно он вскинул голову.

– Идет, – тихо произнес он.

За дверью послышались вороватые шаги. Стихли, потом снова вернулись. Затем раздался какой-то шаркающий звук и два громких удара в дверь. Холмс встал и жестом показал нам оставаться на местах. Единственным источником света в доме был газовый рожок в коридоре. Холмс открыл дверь, потом, когда мимо него скользнула темная тень, снова закрыл ее и запер. «Сюда!» – коротко сказал он, и в следующую секунду в кабинет вошел тот,

⁴³ Вошедший в поговорку отрывок из песни «Смерть Нельсона», автор и исполнитель знаменитый английский тенор Джон Брэм (1774–1856).

⁴⁴ Полифония (от гр. *polýs* – многочисленный – и *phōnē* – звук, голос) – вид многоголосия, основанный на одновременном гармоническом сочетании и развитии двух или нескольких самостоятельных мелодических линий (голосов). Мотет (фр. *motet* – уменьшительное от *mot* – слово) – хоровое произведение, обычно из двух-трех разделов, нередко с инструментальным сопровождением. Орландо Лассо (ок. 1532–1594) – франко-фламандский композитор, мастер хоровой музыки (свыше двухсот сочинений).

кого мы ждали. Тут же за его спиной показался Холмс. Увидев нас, человек тревожно вскрикнул и попятился, но Холмс схватил его за воротник и мощным рывком швырнул на середину комнаты. Прежде чем наш пленник пришел в себя, дверь в кабинет уже была закрыта. Холмс прислонился к ней спиной. Человек посмотрел по сторонам, пошатнулся и, лишившись чувств, рухнул на пол. От удара широкополая шляпа слетела с его головы, платок, которым была перевязана нижняя часть лица, сполз, и мы увидели длинную русую бороду и мягкие черты лица полковника Валентайна Волтера. Холмс от удивления присвистнул.

– Ватсон, на этот раз можете изобразить меня полным ослом, – воскликнул он. – Это вовсе не та птица, на которую я охотился.

– Кто это? – взволнованно спросил Майкрофт.

– Младший брат покойного сэра Джеймса Волтера, главы отдела подводных лодок. Да-да, теперь я понимаю расклад карт. Он приходит в себя. Будет лучше, если говорить с ним буду я.

Бесчувственного пленника мы перенесли на диван, вскоре он поднялся, сел и начал в ужасе оглядываться по сторонам и тереть лоб рукой, как человек, который не верит своим глазам.

– Что это значит? – спросил он. – Я пришел повидаться с мистером Оберштейном.

– Нам все известно, полковник Волтер, – сказал Холмс. – Как англичанин мог до такого опуститься? Это выше моего понимания. Но мы знаем все и о вашей переписке с Оберштейном, и о том, какие вы поддерживали с ним отношения. Нам известны и обстоятельства смерти молодого Кадогена Вэста. Но некоторые подробности нам все еще не совсем ясны, и узнать мы их можем только от вас, поэтому позвольте дать вам совет: единственное, что может хоть как-то спасти вашу честь, – это покаяние и полное чистосердечное признание.

Наш пленник застонал и закрыл лицо руками. Мы ждали, но он продолжал молчать.

– Уверяю вас, все основные факты нам ясны, – вновь заговорил Холмс. – Мы знаем, что вам понадобились деньги, что вы сделали слепки с ключей, которые находились в распоряжении вашего брата, и что вы вступили в переписку с Оберштейном, который отвечал на ваши письма объявлениями в «Дейли телеграф». Известно нам и то, что вы в понедельник вечером, когда стоял густой туман, пришли к конторе, но там вас заметил и стал преследовать юный Кадоген Вэст, который, очевидно, уже по каким-то причинам подозревал вас. Он видел, как вы выкрали документы, но не мог поднять тревогу, поскольку была вероятность того, что вы взяли бумаги для того, чтобы отвезти их брату в Лондон. Как истинный преданный родине гражданин, он, позабыв обо всех личных делах, пошел за вами и проследил ваш маршрут до этого самого дома. Здесь он вмешался, и тогда вы, полковник Волтер, к измене добавили еще более страшное преступление – убийство.

– Это не я! Не я! Господом Богом клянусь, я не убивал его! – надломленным голосом закричал наш презренный пленник.

– Тогда расскажите, как погиб Кадоген Вэст, прежде чем вы положили его тело на крышу вагона.

– Я расскажу. Клянусь перед всеми вами, я расскажу. Все остальное – моих рук дело, я признаю. Все было в точности так, как вы описали. Меня давил биржевой долг. Мне ужасно были нужны деньги. Оберштейн предложил мне пять тысяч. Это спасло бы меня, но к убийству я имею отношения не больше, чем вы.

– Как все произошло?

– Вэст начал меня подозревать еще раньше. В понедельник вечером он пошел за мной, но я об этом узнал, только когда приехал сюда. Туман стоял такой, что на расстоянии трех ярдов уже ничего нельзя было разглядеть. Я постучал два раза, и Оберштейн открыл дверь. Тогда этот молодой человек бросился к нам и потребовал объяснения, что мы собираемся

делать с бумагами. У Оберштейна была короткая дубинка, налитая свинцом, он всегда ее с собой носил, и, когда Вэст ворвался в коридор, он ударил его ею по голове. Удар оказался смертельным – он умер через пять минут. Его тело лежало в коридоре, и мы долго ломали голову над тем, что теперь делать. Потом Оберштейну пришла в голову эта мысль о поездах, которые останавливаются у него под окнами на черной лестнице. Но сначала он изучил бумаги, которые я ему принес. Сказал, что три из них очень важны и он должен оставить их. «Но вы не можете оставить их, – возразил я. – Если их не вернуть, в Вулидже поднимется ужасный шум». – «Я должен их оставить у себя, – ответил он, – они слишком сложные, и я не успею скопировать их». – «Значит, придется сегодня же вернуть их все на место», – настаивал я. Он задумался, а потом закричал, что придумал. «Эти три я оставляю, – сказал он, – а остальные засунем этому парню в карман. Когда его найдут, всё, разумеется, спишут на него». Другого выхода я не видел, поэтому мы так и сделали. Нам пришлось полчаса ждать, пока под окном остановится поезд. Туман был такой густой, что нас никто заметить не мог, поэтому мы без особого труда положили тело Вэста на крышу вагона. На этом все и закончилось.

– А ваш брат?

– Мне он ничего не сказал. Правда, он как-то раз застал меня со своими ключами в руках, поэтому я думаю, что он меня подозревал. Я по его глазам видел, что он меня подозревает. Как вы знаете, он этого не перенес.

В комнате наступило молчание. Первым заговорил Майкрофт Холмс.

– Вы можете частично искупить свою вину. Это облегчит вашу совесть, а возможно, и наказание.

– О каком искуплении вы говорите?

– Где Оберштейн с бумагами?

– Я не знаю.

– Какие-нибудь адреса он называл?

– Говорил, что письма, отправленные в отель «Лувр» в Париже, в конце концов попадут к нему в руки.

– В таком случае у вас еще есть шанс загладить вину, – сказал Шерлок Холмс.

– Я готов на все. Этому человеку я ничем не обязан. Он погубил меня.

– Вот перо и бумага. Садитесь и пишите, я буду диктовать. На конверте напишете названный адрес. Так, теперь письмо: «Дорогой сэр. Касательно нашей сделки, вы уже наверняка заметили, что у вас не хватает одной существенной детали.

У меня есть копия ее чертежа. Однако раздобыть ее было делом не простым, поэтому я вынужден просить у вас аванс еще на пятьсот фунтов. Почте я не доверяю и хочу получить указанную сумму либо золотом, либо банковскими билетами. Я бы сам приехал к вам, но сейчас мой отъезд за границу вызовет ненужные подозрения. Поэтому я ожидаю встречи с вами в курительной комнате гостиницы «Чаринг-кросс» в субботу ровно в полдень. Учтите, я приму только английские фунты или золото». Это должно сработать. Я буду сильно удивлен, если этот человек не клонет на такую наживку.

И Холмс не ошибся! Теперь это уже дело истории, той тайной истории нашей страны, которая зачастую намного более глубока и интересна, чем ее официальная хроника. Оберштейн, одолеваемый страстным желанием довести до конца свой триумф, поддался соблазну и угодил на пятнадцать лет в английскую тюрьму. В его чемодане были найдены бесценные чертежи Брюса-Партингтона, которые он уже успел предложить всем морским державам Европы и теперь дожидался, кто даст бóльшую сумму.

Полковник Волтер умер в тюрьме под конец второго года своего приговора. Что касается Холмса, то он с новыми силами взялся за свою монографию о полифонических мотех ди Лассо, которая впоследствии была издана небольшим тиражом и осела в частных

библиотеках. Знатоки утверждают, что его работу можно считать последним словом в этой области. Через несколько недель я случайно узнал о том, что мой друг ездил в Виндзор⁴⁵. Когда он оттуда вернулся, в галстук его сияла изумительной красоты изумрудная булавка. На мой вопрос, купил ли он ее, он ответил, что это подарок одной великодушной высокопоставленной леди, в интересах которой ему как-то посчастливилось выполнить кое-какую небольшую работу. Больше я от него не добился ни слова, но мне кажется, что я знаю августейшее имя этой леди, и уверен, что та изумрудная булавка всегда будет напоминать моему другу о приключении с чертежами Брюса-Партиingtonа.

⁴⁵ Город в Англии, недалеко от Лондона, летняя резиденция английских королей.

Дело четвертое Дьяволова нога

Пополняя время от времени записи о своей многолетней и близкой дружбе с мистером Шерлоком Холмсом интересными воспоминаниями и рассказами о новых любопытных происшествиях, я постоянно сталкиваюсь с трудностями, связанными с его отвращением к собственной славе. Его замкнутому и циничному характеру всегда претили известность и почитание, и, заканчивая очередное успешное дело, он был рад отдать свои лавры какому-нибудь недалекому полицейскому инспектору, чтобы потом с едкой усмешкой слушать хор поздравлений в его адрес. Лишь подобное поведение моего друга, а никак не недостаток интересного материала явилось причиной того, что в последние годы так мало моих рассказов было представлено публике. Участие в некоторых его приключениях я всегда считал для себя честью, обязывающей быть осмотрительным и сдержанным.

Поэтому я был порядком удивлен, когда в прошлый вторник получил от Холмса телеграмму (он никогда не писал писем, если можно обойтись телеграммой) следующего содержания: «Расскажите им о Корнуолльском ужасе, самом странном из моих дел».

Я не представляю, какой зигзаг памяти заставил вспомнить его это дело или какая причуда вызвала у него желание посоветовать мне рассказать о нем, но, опасаясь следующей телеграммы, на этот раз с запретом, я спешу разыскать в своих записях подробности этой истории и изложить ее своим читателям.

Итак, было это весной тысяча восемьсот девяносто седьмого года. Постоянная напряженная, требующая полной отдачи сил работа, усугубленная, возможно, легкомысленным отношением моего друга к собственному здоровью, ослабила его железный организм. В марте того года доктор Мур Эйгар с Харли-стрит (о том, при каких драматических обстоятельствах произошло его знакомство с Холмсом, я, возможно, когда-нибудь еще напишу) в категорической форме потребовал от знаменитого частного сыщика отложить все свои дела и целиком предаться отдыху, если он не хочет довести себя до полного упадка сил. К состоянию своего здоровья мой друг не проявлял ни малейшего интереса, поскольку главным для него всегда была работа мысли, но, в конце концов, угроза того, что он может навсегда лишиться возможности заниматься своей работой, заставила его пойти навстречу требованиям врача, и он дал себя уговорить полностью сменить обстановку и климат. Таким образом, в самом начале весны того года мы с ним оказались в небольшом коттедже недалеко от бухты Полду на крайней оконечности полуострова Корнуолл.

Это было удивительное место, которое как нельзя лучше подходило мрачному настроению моего пациента. В окна нашего маленького домика с выбеленными стенами, стоявшего на вершине высокого поросшего травой холма, открывался вид на зловещий полукруг залива Маунтс, этой издавна известной ловушки для парусников, с его черными каменными утесами и омываемыми волнами рифами, на которых простилось с жизнью неисчислимое множество моряков. Когда дует северный ветер, он остается спокоен и безмятежен, маня в свои коварные объятия гонимые бушующим штормом суда, ищущие отдыха и защиты. Но потом следует неожиданная смена ветра, с юго-запада налетает бешеный шквал, якорь срывается, судно налетает на скалы, последняя битва посреди пенящихся бурунов... Опытные моряки держатся подальше от этого адского места.

Земля, окружающая нас, была так же угрюма, как море. Это край холмистых верещатников⁴⁶, серовато-коричневых и пустынных, редкие башни церквей указывали на место-

⁴⁶ Верещатники – заросли кустарников, преимущественно семейства вересковых; встречаются толокнянка, брусника, черника, мхи, лишайники. Распространены на песчаных и торфяных почвах.

расположение деревушек, которые стоят здесь испокон веков. Земли эти хранят множество напоминаний о той древней расе, которая некогда населяла эти районы и исчезла, оставив после себя причудливые следы в виде странных каменных сооружений, курганов, хранящих в себе обожженные людские кости, и странных земляных укреплений, воссоздающих в памяти суровую доисторическую жизнь. Загадочность этих живописных мест, в которых витал дух давно забытых народов, пришлась по душе моему другу, и он много времени проводил в одиноких прогулках и раздумьях на лоне природы. Древний корнский язык⁴⁷ также привлек к себе его внимание, и, я помню, у него появилась идея, что он близок к халдейскому⁴⁸ языку и имеет корни в том наречии, на котором разговаривали финикийские торговцы оловом, заплывавшие в эти края. Он заказал себе целую библиотечку книг по филологии и уже собирался засесть за изучение этого вопроса, когда неожиданно, к моему искреннему сожалению и его нескрываемой радости, мы даже в этой дикой местности оказались втянутыми в историю более волнующую, более захватывающую и бесконечно более загадочную, чем любое из тех дел, которые заставили нас покинуть Лондон. Наша простая и безмятежная жизнь и благотворный для здоровья покой были безжалостно нарушены, и мы с головой окунулись в череду событий, которые всколыхнули не только Корнуэлл, но и весь запад Англии. Многие из моих читателей, несомненно, помнят о «Корнуолльском ужасе», хотя лондонской печати достигли лишь весьма искаженные рассказы о том, что на самом деле произошло. Теперь, спустя тринадцать лет после тех событий, я изложу читателю истинные невероятные подробности того дела.

Я уже говорил, что башни церквей указывали на разбросанные по этой части Корнуолла редкие деревушки. Ближайшим к нам поселением был Тридэнник-Воллес, небольшая деревушка, в которой коттеджи пары сотен его обитателей лепились к старинной поросшей мхом церкви. Приходской священник, мистер Раундхэй, был археологом-любителем, поэтому Холмс свел с ним знакомство. Этот средних лет мужчина, полный и добродушный, собрал довольно богатую коллекцию местных преданий и обычаев. Однажды он пригласил нас к себе на чай, и там мы познакомились с мистером Мортимером Тридженнисом, одиноким джентльменом, который несколько пополнял скудные доходы священника, снимая в его большом обветшалом доме комнаты. Поскольку священник был одинок, он был рад этому соседству, хотя не имел почти ничего общего со своим постояльцем, сухощавым брюнетом в очках, до того сутулым, что производил впечатление горбуна. Помню, когда мы пришли, священник удивил нас своей словоохотливостью, а жилец его, напротив, все то недолгое время, пока мы пробыли у них в гостях, сидел молча со скорбным лицом, его отсутствующий взгляд говорил о том, что он полностью погружен в какие-то свои мысли.

Во вторник, шестнадцатого марта, после обеда, когда мы с Холмсом курили, собираясь, как обычно, пойти на прогулку, эти двое ворвались в нашу маленькую гостиную.

– Мистер Холмс, – срывающимся от волнения голосом затараторил приходской священник, – ночью произошло нечто ужасное. Неимоверное! Мы можем только возблагодарить судьбу за то, что вы оказались в это время в наших краях, потому что во всей Англии вы единственный человек, который может нам помочь!

Не думаю, что взгляд, который я в ту секунду бросил на него, показался нашему нежданному гостю дружелюбным, но Холмс вынул изо рта трубку и подался вперед, как старая гончая, услышавшая крики охотников. Он махнул рукой в сторону дивана, и наши взволнованные гости сели. Мистер Мортимер Тридженнис держался спокойнее, чем его спутник,

⁴⁷ Язык кельтского населения полуострова Корнуолл. Вымер в конце XVIII в.

⁴⁸ Халдеи – семитические племена, жившие в первой половине I тыс. до н. э. в Южной Месопотамии. Вели борьбу с Ассирией за обладание Вавилоном.

но по тому, как дрожали его худые руки и блестели карие глаза, было видно, что он охвачен тем же чувством.

– Я расскажу или вы? – спросил он у священника.

– Не знаю, с чем вы ко мне пришли, – сказал Холмс, – но, поскольку, похоже, вы первый с этим столкнулись, а священник узнал об этом от вас, думаю, будет лучше, если вы расскажете, что произошло.

Я окинул взглядом растрепанного священнослужителя и его аккуратно одетого спутника и улыбнулся, видя, какое удивление вызвала у них простейшая дедукция Холмса.

– Пожалуй, я вначале все же скажу пару слов, – предложил приходской священник, – а потом вы сами решите, что лучше, послушать рассказ мистера Тридженниса или сразу же отправиться на место этого загадочного происшествия. Я хочу пояснить, что он провел вчерашний вечер в компании двух своих братьев, Оуэна и Джорджа, и сестры Брэнды в их особняке Тридэнник-Ворта, это недалеко от старого каменного креста на торфяном болоте, и ушел от них в начале одиннадцатого. Когда он уходил, они продолжали играть в карты, сидя в гостиной за круглым столом, и были в прекрасном настроении и полном здравии. Встает мистер Тридженнис рано, и сегодня утром, еще до завтрака, он вышел погулять и, направившись в ту сторону, встретил на дороге пролетку доктора Ричардса, который сказал ему, что его только что вызвали по какому-то чрезвычайному делу в Тридэнник-Ворта. Разумеется, мистер Мортимер Тридженнис поехал туда с ним. То, что он увидел, приехав в Тридэнник-Ворта, иначе как кошмаром не назовешь. Два его брата и сестра сидели за тем же самым столом в гостиной, карты все еще были разложены перед ними, но свечи сгорели полностью. Сестра сидела на своем месте мертвая, а братья с двух сторон от нее хохотали, кричали и пели. Разум совершенно покинул их. У всех троих – и у мертвой женщины, и у двух обезумевших мужчин – на лицах застыло выражение неопишемого ужаса, такое жуткое, что на них страшно было смотреть. Больше в доме никого не было, кроме старой экономки миссис Портер, которая утверждает, что всю ночь крепко спала и ничего не слышала. Ничего не украдено, все находится на своих местах, и совершенно непонятно, что могло напугать их до такой степени, что женщина от страха умерла, а двое здоровых мужчин лишились рассудка. Вот вкратце что произошло, мистер Холмс, и если вы сможете разобраться в этом, мы будем вам очень благодарны.

До сих пор я еще надеялся, что мне удастся каким-то образом вернуть своего друга в то состояние покоя, ради которого мы с ним сюда и приехали, но одного взгляда на его сосредоточенное лицо и сошедшиеся над переносицей брови мне было достаточно, чтобы понять, насколько тщетны мои надежды. Какое-то время он сидел молча, обдумывая загадочное происшествие, которое столь неожиданно вторглось в наше мирное существование.

– Я займусь этим, – наконец сказал он. – На первый взгляд дело кажется очень необычным, даже исключительным. Вы сами были там, мистер Раундхэй?

– Нет, мистер Холмс. Мистер Тридженнис, вернувшись, рассказал мне о том, что случилось, и мы с ним сразу же бросились за советом к вам.

– Как далеко отсюда находится место, где произошла эта поразительная трагедия?

– Примерно в миле.

– Тогда пойдем туда пешком. Но прежде, чем мы направимся туда, я хочу задать несколько вопросов вам, мистер Мортимер Тридженнис.

Наш второй гость до сих пор еще не произнес ни слова, но я заметил, что, хоть и выглядел он спокойнее священника, внутренне был взволнован намного сильнее своего спутника. Он сидел, крепко сцепив тонкие пальцы, и не сводил с Холмса беспокойного взгляда, худое лицо его было бледным как полотно. Когда он слушал рассказ о том ужасном несчастье, которое постигло его семью, его бескровные губы дрожали, а темные глаза мерцали так, словно он опять оказался в той жуткой гостиной.

– Спрашивайте, мистер Холмс, – с готовностью воскликнул он. – Мне тяжело об этом говорить, но я отвечу на любые ваши вопросы.

– Расскажите мне про вчерашний вечер.

– Как уже сказал священник, я там поужинал, потом мой старший брат Джордж предложил сыграть партию в вист⁴⁹. Начали мы часов в девять, а в начале одиннадцатого я встал из-за стола, чтобы идти домой. Когда я уходил, настроение у всех было прекрасное.

– Кто выпустил вас?

– Миссис Портер уже легла спать, поэтому я сам закрыл за собой дверь. Окно комнаты, в которой они сидели, было закрыто, но штора не опущена. Сегодня утром и дверь и окно выглядели точно так же, как тогда, и вообще нет никаких причин думать, что в доме побывал кто-то посторонний. Но они сидели там, в этой гостиной, совершенно безумные, а Брэнда умерла от ужаса. Голова ее свесилась с кресла... Эта комната будет стоять у меня перед глазами до самой смерти.

– Все это выглядит действительно очень и очень необычно, – сказал Холмс. – Вы, наверное, вряд ли сами можете как-то объяснить случившееся?

– Это дьявольщина, мистер Холмс. Дьявольщина! – не сдержавшись, перешел на крик Мортимер Тридженис. – Что-то потустороннее! В ту комнату проникло нечто такое, что лишило их разума. Разве кто-то из людей способен на это?

– Я боюсь, что, если в этом преступлении замешаны потусторонние силы, – сказал Холмс, – то раскрыть его мне, разумеется, будет не под силу. И все же, прежде чем принимать подобную версию, мы должны рассмотреть все обычные объяснения. Что касается вас, мистер Тридженис, насколько я понимаю, вы каким-то образом были отдалены от своей семьи, раз они жили отдельно, а вы снимаете комнату в другом доме?

– Верно, мистер Холмс, хотя это дело далекого прошлого и с ним давно покончено. Семья наша занималась добычей олова в Редруте⁵⁰, но мы выгодно продали свое предприятие крупной компании, и вырученных денег нам хватило, чтобы навсегда отойти от дел. Я не стану скрывать, что из-за раздела денег произошла ссора, и какое-то время мы не общались. Но затем обиды забылись, и у нас сложились прекрасные дружеские отношения.

– Вернемся к тому вечеру, который вы провели вместе. Вам на память не приходит ничего такого, что могло бы иметь хоть какое-то отношение к трагедии? Хорошенько подумайте, мистер Тридженис, любая мелочь может оказаться полезной.

– Нет, ничего необычного я не заметил, сэр.

– Родственники ваши вели себя, как обычно?

– Да, и настроение у всех было отменное.

– Они никогда не нервничали? Плохих предчувствий у них не было?

– Никогда.

– Значит, ничего такого, что могло бы помочь мне, вы добавить не можете?

Мортимер Тридженис на минуту задумался.

– Ну вот разве что, – наконец заговорил он, – за столом я сидел спиной к окну, а мой брат Джордж (мы с ним были партнерами по картам) – лицом. И один раз мне показалось, что он как-то особенно внимательно смотрит мне за спину. Я обернулся. Штора была поднята, а окно закрыто. Кроме кустов, во дворе ничего видно не было, но мне на миг показалось, что я заметил в них какое-то движение. Я даже не смог определить, что это, человек или животное, мне просто показалось, что там что-то шевельнулось. Когда я спросил брата,

⁴⁹ Карточная игра для двух пар игроков, предшественница преферанса. Англ. whist – вероятно, от whisk – смахивать, сметать (отыгранные взятки).

⁵⁰ Редрут – город на полуострове Корнуолл.

что он там увидел, тот ответил, что у него тоже возникло ощущение, будто там что-то есть. Это все, что я могу добавить.

– И вы не стали проверять, что это было?

– Нет, мы не придали этому значения.

– Значит, когда вы их покидали, у вас не появилось никакого предчувствия беды?

– Ни малейшего.

– Расскажите подробнее, как вы узнали о случившемся так рано утром.

– Я всегда встаю рано и почти каждый день перед завтраком выхожу на прогулку. Сегодня утром не успел я выйти из дому, как меня догнал доктор на своей пролетке. Он сказал, что старая миссис Портер прислала к нему мальчика со срочной запиской. Я сел рядом с ним, и мы поехали дальше вместе. Когда приехали, заглянули в эту жуткую комнату. Свечи и камин погасли, наверное, за несколько часов до этого. Они просидели там всю ночь до утра. Доктор сказал, что Брэнда умерла шесть часов назад. Никаких следов насилия не было. Она просто лежала на ручке своего кресла с этим страшным лицом. Джордж и Оуэн что-то распевали и издавали какие-то нечленораздельные звуки, как две огромные обезьяны. О, это было ужасно! Я не мог на это смотреть, доктор тоже побледнел как мел. Он даже сам рухнул в кресло, еще немного – и нам бы и его пришлось приводить в чувство.

– Очень, очень любопытно! – воскликнул Холмс, встал и взял шляпу. – Думаю, теперь будет лучше без дальнейшего промедления отправиться в Тридэнник-Ворта. Признаюсь, я редко сталкивался с делами, которые при первом рассмотрении представлялись бы такими загадочными.

Наши дальнейшие действия тем утром мало чем помогли расследованию. Однако с самого начала они были отмечены происшествием, которое произвело на меня самое тягостное впечатление. Направляясь к месту трагедии по узкой и извилистой проселочной дорожке, мы услышали грохот едущей нам навстречу кареты и отошли в сторону, чтобы пропустить ее. Когда она проезжала мимо, я мельком заметил искаженное жуткой гримасой лицо, которое, скалясь во весь рот, смотрело на нас через закрытое окно. Эти широко раскрытые глаза и блестящие зубы проплыли мимо, как страшное видение.

– Это братья! – вскричал Мортимер Тридженнис, побледневший как смерть. – Их везут в Хелстон.

Мы провели взглядами удаляющуюся черную карету и продолжили путь к зловещему дому, в котором они встретили свою странную судьбу.

Это было просторное светлое здание, скорее вилла, чем коттедж, с довольно большим садом, который, благодаря корнуоллскому благодатному воздуху, уже был полон цветов. В этот сад и выходило окно гостиной, и именно в него, по словам Мортимера Тридженниса, должно было войти то зло, которое вселило в его братьев такой ужас, что они в один миг лишились рассудка. Холмс какое-то время молча, задумчиво походил между клумбами и по дорожке, ведущей к двери, и лишь после этого мы поднялись на крыльцо. Я помню, он был так поглощен своими мыслями, что споткнулся о лейку, да так, что ее содержимое выплеснулось прямо нам на ноги и залило садовую дорожку. В доме нас встретила пожилая экономка миссис Портер, которая со своей юной помощницей обслуживала семью. На все вопросы Холмса она отвечала с готовностью. Ночью она не слышала ничего. В последнее время хозяева все были в прекрасном настроении, более того, она даже не помнит, чтобы они когда-либо раньше были столь веселы и довольны. Зайдя утром в гостиную и увидев эту компанию за круглым столом, она лишилась чувств. Придя в себя, она первым делом открыла окно, чтобы впустить в комнату свежий воздух, после чего выбежала на дорогу, где встретила сельского мальчишку и послала его за врачом. Леди лежит у себя в спальне, если мы хотим ее увидеть. Четверо сильных мужчин с трудом усадили двух братьев в карету

психиатрической больницы. Она в этом доме и на день не останется и сегодня же уезжает к своей семье в Сент-Айвс⁵¹.

Мы поднялись наверх и осмотрели тело. Мисс Брэнда Тридженнис была очень красивой девушкой, хоть и приближалась уже к среднему возрасту. Ее смуглое мягко очерченное лицо было прекрасно даже в смерти, единственное, что омрачало его, был отпечаток страха, последнего чувства, которое она испытала в жизни. Из ее комнаты мы спустились в гостиную, где случилась эта странная трагедия. В камине чернела свежая зола, на столе стояли четыре свечных огарка и лежали беспорядочно разбросанные карты. Кресла были отодвинуты к стенам, но все остальное с ночи осталось нетронутым. Холмс легкими шагами быстро обошел комнату, посидел по очереди во всех креслах, потом придвинул их к столу и расставил в том же порядке, в котором они стояли накануне вечером. Он проверил, какую часть сада было видно, осмотрел пол, потолок и камин, но я ни разу не заметил, чтобы вспыхнули его глаза или сжались губы, подсказав мне, что он увидел проблеск света в этой крошечной темноте.

⁵¹ Город на полуострове Корнуолл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.